
Александр Татун
ТИШИНА
МЕЖДУ
КАПЛЯМИ

Александр Татун

ТИШИНА МЕЖДУ КАПЛЯМИ

https://litres.ru/74759438
SelfPub; 2026

Аннотация

Илья и Анна встречаются в аптечной очереди под мелким дождём. Разговор о том, как сушить промокшую книгу, становится началом любви, которая на год даёт им обоим ощущение, что в сером городе, где ничего не высыхает, можно согреться.

Но у Ильи есть то, о чём он не говорит: наследственная депрессия, семейная тайна, коробка с письмами на верхней полке и привычка отвечать «нормально». Анна, реставратор по профессии и «спасательница» по прежнему опыту, слишком поздно замечает, что снова пытается вылечить человека любовью.

Это роман о двух взглядах на одну историю: он видит, как размокает, она — как не успевает высушить. О любви, которая не лечит, и внимании, которое может спасти. О цене, которую платят оба — независимо от того, чем всё закончится.

«Тишина между каплями» — психологическая драма о том, что самые важные слова всегда говорятся в паузах.

Содержание

Глава 1. Серое утро 5
Глава 2. Остановка 21
Глава 3. Второй раз 37
Глава 4. Чай и сушка 48
Глава 5. Привычки 61
Глава 6. Откровенность 74
Глава 8. Первый звоночек 99
Конец ознакомительного фрагмента. 101

Александр Татун
ТИШИНА МЕЖДУ КАПЛЯМИ

Тишина между каплями

Глава 1. Серое утро

Илья

Дождь начался ночью и к утру не кончился, а как будто устал и перешёл на мелкую, нудную морось, которая не падала, а висела в воздухе. Илья проснулся от того, что где-то капало — не в комнате, за окном, по жестяному отливу, с ровным, издевательским ритмом. Он лежал с открытыми глазами и слушал. Три секунды тишины, капля. Две секунды, капля. Потом сбивалось, и он терял счёт, и это почему-то было хуже всего — не сам звук, а невозможность уловить его порядок.

Телефон показывал 6:41. Будильник стоял на 6:45, и эти четыре минуты были единственным, что ещё принадлежало ему. Он не двигался. Потолок над кроватью он знал наизусть: трещина от угла до люстры, похожая на высохшую реку, серое пятно от старой протечки, тень от абажура, которую он так и не удосужился убрать. Каждое утро одно и то же. Каждое утро он лежал и думал: надо встать. И каждое утро, это «надо» было тяжёлым, как мокрое одеяло.

Он подумал: а если не встать. Просто остаться. Ничего бы не случилось. Кирилл бы позвонил, потом перестал. Мир бы не рухнул — это он знал точно. Один раз он проболел три дня, и когда вернулся, никто не спросил, как он. Только Кирилл сказал: «О, ты живой, а то я думал, тебя уволили». И

засмеялся. Он всегда смеялся своим шуткам, и это было почти утешительно — можно было не смеяться в ответ.

За стеной у соседей забормотал телевизор — утренние новости, бодрый голос, который сообщал о чём-то важном так, будто всё в порядке. Илья сел. Комната качнулась и встала на место. Он посидел ещё немного, свесив ноги, глядя на свои ступни на холодном полу, и только потом нащупал тапки. Левый всегда соскальзывал. Он поправил его и пошёл в ванную, шаркая, как старик, хотя ему было тридцать два.

В ванной зеркало было мутным от пара — кто-то до него, в другой квартире, уже принимал душ, и трубы отзывались. Илья провёл ладонью по стеклу. Из зеркала посмотрел человек тридцати двух лет, с лицом, которое он узнавал всё меньше: серые глаза с тенями под ними, щетина, которую он брил через день, потому что каждый день было слишком много. Он включил воду, подождал, пока она станет тёплой, и умылся. Вода пахла ржавчиной. Он почистил зубы, посмотрел на себя ещё раз и отвернулся. В зеркало лучше было не смотреть долго — начинало казаться, что оттуда смотрит кто-то другой, чужой человек, который надел его лицо и ждёт, когда Илья уйдёт.

Кухня встретила его холодом. Батарея под окном была чуть тёплой, но тепло не доходило — оно поднималось вверх и уходило в потолок, оставляя пол ледяным. Илья насыпал кофе, нажал кнопку на чайнике и стал смотреть в окно. Двор был залит серым. Лужи стояли ровные, как зеркала, и в них

отражалось небо — тоже серое, — и от этого казалось, что мир состоит из двух одинаковых половин, и обе мокрые. В одной из луж плавала сигаретная пачка, размокшая и распухшая, и Илья смотрел на неё и думал о том, кто её бросил. Может, сосед сверху, который курил на балконе и стряхивал пепел вниз. Может, кто-то случайный, проходивший мимо. Но пачка была, и она плавала, и никто её не убирал.

Чайник щёлкнул. Он налил кипяток, подождал, помешал. Кофе получился слабым — он пожалел порошка. Пил стоя, у окна, глядя, как женщина внизу выгуливает собаку. Собака обходила лужи, а женщина шла прямо по ним, потому что уже всё равно. У неё были резиновые сапоги до колена, и она шла, не глядя под ноги, и лицо у неё было спокойное и пустое. Илья почему-то позавидовал ей. Способности идти прямо по луже и не думать об этом. Он так не умел. Он всегда думал. О каждой луже, о каждом шаге, о каждом слове, которое сказал и которое не сказал.

Он допил кофе, помыл чашку, поставил в сушилку. Потом открыл шкаф и достал пальто — тёмно-серое, с потемневшим воротником. Оно было мокрым. Не мокрым даже, а влажным насквозь, с тем особым холодом, который ткань набирает за ночь, если её не высушили как следует. Он повесил его вчера на крючок у двери, в коридоре, где нет батареи, и вот — результат. Илья постоял, держа пальто в руках, взвешивая варианты: надеть мокрое или надеть куртку, которая теплее, но не по погоде. Он выбрал пальто. Всё равно

через десять минут будет одно и то же.

В кармане лежал проездной, ключи и сложенная пополам квитанция, которую он забыл выбросить. Он нащупал её, вытащил, посмотрел на цифры и сунул обратно. Не сегодня. Сегодня он просто выйдет из дома, дойдёт до остановки, сядет в автобус и поедет на работу. Сегодня он будет нормальным человеком, у которого всё в порядке. Это было единственное обещание, которое он мог себе дать, и он давал его каждое утро.

Дверь он закрыл тихо, чтобы не хлопнуть. На лестничной клетке пахло сыростью и чужим супом. Лифт, как обычно, стоял с открытыми дверями и не работал — на нём висела бумажка, приклеенная скотчем, с текстом, который никто не читал. Илья однажды прочитал: «Уважаемые жильцы, ремонт лифта запланирован на...» — дальше дата была затёрта, и поверх неё кто-то написал маркером: «Никогда». Он усмехнулся тогда, в первый раз. Потом перестал.

Он пошёл пешком. Пять этажей, восемьдесят четыре ступени — он знал их наизусть, знал, где седьмая скрипит, а где на площадке между четвёртым и третьим лежит окурок, который никто не убирает уже неделю. Окурок был всё там же. Илья каждый день видел его и каждый день думал: надо убрать. И не убирал.

На втором этаже дверь соседки была приоткрыта, и оттуда тянуло чем-то тёплым, печёным. Лидия Петровна пекла по утрам, когда не спалось. Она выглянула, услышав шаги.

— Илюша, — сказала она. — Опять без зонта?

— Дождь мелкий, — сказал он. — Не страшно.

— Мелкий, мелкий, — проворчала она. — А промокнешь так, что к вечеру не высохнешь. У меня вон бельё с воскресенья на балконе висит, и всё сырое. Такая погода. — Она посмотрела на него внимательнее, чем ему хотелось. — Ты поел хоть?

— Пил кофе.

— Кофе не еда. — Она уже тянулась куда-то за дверь. — Подожди, у меня пирог с капустой. Возьми кусок, на работе поешь.

— Лидия Петровна, не надо, правда.

— Надо, — сказала она твёрдо и вложила ему в руку свёрнутый в фольгу кусок. Фольга была тёплая. — И пальто просуши. Вон оно у тебя сырое. У меня сушилка в ванной есть, приноси, я просушу.

— Спасибо, — сказал он. — Я сам.

— Сам, сам, — вздохнула она. — Все вы сами. — Она помолчала, потом добавила, будто между прочим: — Мать твоя на той неделе во дворе была. Спрашивала, как ты. Я сказала — нормально. А она говорит: «Он всегда так говорит». — Лидия Петровна посмотрела на него, и в её глазах было что-то такое, от чего ему стало не по себе. — Ты бы позвонил ей, Илюша. Она ведь одна.

Илья ничего не сказал. Он не знал, что сказать. Мать действительно звонила на той неделе, и он ответил, и они пого-

ворили три минуты, и оба сделали вид, что всё в порядке.

— Ну, — вздохнула Лидия Петровна. — Ешь пирог. И кастрюлю потом отдай, она моя, любимая. — Она усмехнулась своей шутке и закрыла дверь.

Илья постоял на площадке, держа тёплый пирог. Руки дрожали. Не сильно. Едва заметно. Но дрожали.

Он спустился, вышел в подъездный тамбур, где на полу лежал коврик, насквозь пропитанный водой, и толкнул дверь.

Улица обрушилась на него влажным холодом. Морось была такая мелкая, что её почти не видно, но через полминуты лицо стало мокрым, а через минуту ресницы слиплись, и пришлось щуриться. Асфальт был покрыт серой кашей — смесью воды, песка и чего-то ещё, что дворники не успели убрать. Илья шёл, не поднимая головы, и слышал только, как подошвы чавкают и хлюпают. Ботинки он купил осенью, они были хорошие, но кожа уже начала пропускать воду — где-то у шва, у мизинца, — и он чувствовал, как под левым носком собирается холодная лужица. Он подумал, что надо купить новые, и тут же подумал, что не купит.

Двор был пуст, если не считать голубей, которые сидели на проводах, нахохлившись, как серые комки. Один слетел вниз, сел в лужу и стал пить, запрокидывая голову. Илья посмотрел на него и подумал: вот кто умеет жить в этой погоде. Приспособился. А он — нет. Он не приспособился, он просто терпел, и это было не одно и то же.

Он повернул за угол, и в лицо ударил ветер с мелкой взвесью, и он прикрыл глаза рукой. Мимо прошла женщина с коляской, толкая её одной рукой, а второй держа зонт, который выворачивался и трещал. Коляска была накрыта прозрачным дождевиком, и внутри, за плёнкой, спал ребёнок, ничего не подозревающий о том, в каком мире он проснулся. Илья посторонился, и женщина сказала «спасибо» таким голосом, будто это он был виноват в погоде.

И тут на секунду стало светлее. Не солнце — до солнца было далеко, — а как будто серое небо где-то наверху разошлось на пару сантиметров, и сквозь эту щель упал косой луч, бледный, почти бесцветный, но всё-таки луч. Он лёг на лужу у бордюра, и лужа вспыхнула — на мгновение стала не серой, а золотистой, с тонкими разводами бензина, похожими на карту несуществующей страны. Илья остановился. Он смотрел на эту лужу, и внутри у него что-то шевельнулось — не радость, нет, до радости было далеко, а какое-то слабое, забытое чувство, будто где-то в глубине открылось окно и оттуда потянуло чем-то другим.

Потом туча сошлась, и лужа снова стала серой, и бензиновые разводы превратились в грязь. Илья отвернулся и пошёл дальше. Он даже не попытался удержать это ощущение. Оно было как тот луч — на секунду, и нет. Незачем. Если начать удерживать, потом будет больнее, когда отпустит. Он это знал. Он это проверял.

Остановка была в двух кварталах. Мимо проехала машина

и обдала его с ног до головы — не сильно, но достаточно, чтобы почувствовать, как вода затекает за воротник. Илья не выругался. Он даже не вздрогнул. Просто шёл дальше, чувствуя, как мокрая ткань прилипает к спине, и думал, что сегодня, пожалуй, будет плохой день. Не катастрофический, нет. Просто плохой. Один из многих.

На остановке было людно. Люди стояли тесно, под навесом, и все смотрели в телефоны. Навес протекал — в одном месте, у самого края, с крыши падала струйка, и люди инстинктивно обходили это место, не поднимая головы. Илья встал в стороне, под дождём, потому что под навесом было слишком много людей, и от них пахло мокрой одеждой и сигаретами.

Он заметил её краем глаза. Женщина в зелёном пальто стояла у столба, держа под мышкой книгу, завёрнутую в полиэтиленовый пакет, и сломанный зонт — одна спица торчала вверх, как сломанный палец. Она пыталась закрыть зонт, но он не закрывался, и она дёргала его, и на лице у неё было выражение сосредоточенной досады. Илья на секунду подумал: предложить помощь? Но автобус уже подходил, и он не стал. Он вошёл в автобус и сел у окна, и женщина осталась на остановке, всё ещё возясь с зонтом.

Он не запомнил её лицо. Только зелёное пальто, книгу в пакете и сломанный зонт с торчащей спицей.

В автобусе пахло мокрым и тесным. Окна были запотевшие, и за ними мир расплывался в серое пятно. Илья при-

жался лбом к холодному стеклу и закрыл глаза. Ему нужно было двадцать три минуты. Двадцать три минуты, чтобы собраться, чтобы придумать, как сегодня быть нормальным.

Он думал о вчерашнем вечере. Он пришёл домой в половине восьмого, снял мокрое пальто, повесил на крючок, поставил чайник. Потом сел на диван и включил ноутбук — ответить на два письма. Письма он не открыл. Он просидел так сорок минут, глядя в экран, на котором ничего не происходило. Потом чайник щёлкнул, и он налил себе чай, и поставил чашку на стол, и снова сел. Чай остыл. Он выпил его холодным, потому что подогревать было лень. Потом лёг и лежал, глядя в потолок, и слушал, как за стеной соседи смотрят телевизор. Голоса были приглушённые, слов не разобрать, но интонации он слышал: кто-то кому-то что-то доказывал. Потом стало тихо. Потом он уснул, и ему ничего не снилось.

Это был обычный вечер. У него было много таких вечеров, и он давно перестал считать их чем-то особенным. Он даже гордился этим — своей способностью выносить тишину. Он говорил себе: я самодостаточный человек, мне хорошо одному. И это было почти правдой. Почти — это было его любимое слово.

Автобус дёрнулся на повороте, и Илья открыл глаза. За окном проплыл торговый центр, ещё тёмный в этот час, с пустой парковкой. Потом школа, у которой на крыльце мокли дети с рюкзаками. Потом мост через реку, и река была цвета мокрого асфальта, и по ней плыли ветки и мусор. Он

смотрел на реку и думал о том, что вода в ней, наверное, холодная. Ледяная. Если опустить руку — сразу заломит. Он не опускал. Просто смотрел.

Он вышел на своей остановке и пошёл в офис. Бизнес-центр из стекла и бетона, турникеты, охранник, который знал его в лицо, но всё равно проверял пропуск. «Здравствуйте, Илья Сергеевич». «Здравствуйте». Лифт, зеркальные двери, четырнадцатый этаж. Открытый план, тридцать столов, свет, который никогда не выключают полностью, и гул — кондиционеры, разговоры, клавиатуры.

Кирилл уже сидел на своём месте, развалившись в кресле, и что-то говорил в телефон громким, уверенным голосом. Увидев Илью, он махнул рукой и показал пальцем: подожди. Илья прошёл к своему столу, включил компьютер и повесил мокрое пальто на спинку стула. Оно было тяжёлым. Ткань оттягивала спинку, и стул кренился назад.

— Вот, — сказал Кирилл, закончив разговор и разворачиваясь к нему. — Здорово. Ты вчера видел письмо от заказчика?

— Видел.

— И что?

— Отвечу сегодня.

— Сегодня, — повторил Кирилл. — Илья. Это надо было вчера. Ты понимаешь, что мы в графике? Или нет? — Он не злился, он просто был таким — громким, простым, уверенным, что мир состоит из задач и решений. — Слушай, ну

что ты как варёный? Мужик ты или где? Возьми себя в руки. Нам сдавать через две недели. Сделай, пришли мне копию, и всё. Дел-то.

— Сделаю, — сказал Илья.

— Не «сделаю», а вот прямо сейчас сядь и сделай. Я серьёзно. — Кирилл хлопнул его по плечу, и от этого хлопка мокрая ткань пальто на стуле чавкнула. — И пальто просуши, а то у нас тут не раздевалка. — Он засмеялся своей шутке, потом вдруг посерьёзнел на секунду. — Слушай. Ты какой-то... — Он поискал слово и не нашёл. — Ну, в общем. Если что — ты скажи. Ладно?

— Ладно, — сказал Илья.

— Ну и всё. — Кирилл тут же снова стал прежним. — Работаем. — И отвернулся к монитору.

Илья открыл письмо. Прочитал. Перечитал. Слова были знакомые, но не складывались, и ему пришлось прочитать ещё раз, а потом ещё раз, и только тогда он понял, что от него хотят. Он написал ответ. Ответ получился длинным и корявым, и он стёр его и написал заново, коротко. Отправил. Кириллу поставил копию. Всё. Одно дело сделано. Он посмотрел на часы: 10:12. До обеда было ещё далеко.

Он работал. Это было единственное, что он умел делать в такие дни, — работать, не думая. Считать, проверять, сводить таблицы. Цифры были послушные, они не задавали вопросов, не просили поговорить, не смотрели с тревогой. С цифрами было проще, чем с людьми. Цифры не спрашивали

«ты как?» и не ждали ответа. Цифры просто были, и если их правильно сложить, получалось правильно. Единственное, что в его жизни складывалось правильно.

В полдень он сходил на кухню и налил себе кофе из автомата. Кофе был отвратительный, но горячий. Он выпил его у окна, глядя, как дождь стучит по карнизу. Во дворе бизнес-центра стояла лужа, огромная, как озеро, и в ней отражалось здание, и получилось, что здание стоит на воде. Курильщики столпились под козырьком, и дым от их сигарет не поднимался вверх, а стелился по земле, смешиваясь с моросью.

На доске объявлений у кухни висела бумажка, приклеенная магнитом: «Курсы оказания первой помощи. Вторник, 18:00, переговорная №3». Илья прочитал её два раза. Потом подумал: а зачем. Кому он может оказать первую помощь. Он даже себе не может. И отвернулся.

— Илья, — позвала его девушка из соседнего отдела, Катя, — ты обедать идёшь?

Он почти сказал «да». Почти. Он даже сделал шаг к выходу — и остановился.

— Нет, — сказал он. — У меня есть.

Он вернулся на место и достал из ящика кусок пирога, завёрнутый в фольгу. Пирог был холодный, но вкусный, с капустой и луком, и он ел его, разворачивая фольгу медленно, чтобы не торопиться, потому что после обеда нужно было работать, а работать он всё ещё мог. Фольга блестела под

лампами, и он смотрел на неё и думал о Лидии Петровне. Она пекла по утрам, когда не спалось, и, наверное, у неё тоже что-то болело, и она тоже не спала, и тоже делала вид, что всё в порядке, только у неё это получалось лучше, потому что она пекла. Илья не пёк. Он просто сидел и смотрел в стену. Это было не одно и то же.

День тянулся. После обеда пришло ещё два письма, и он на них ответил. Потом был звонок — короткий, деловой, и он говорил нормальным голосом, и человек на другом конце провода, наверное, думал, что он в порядке. Это было несложно. Он умел быть в порядке по телефону. Он умел быть в порядке в переговорной, в лифте, в столовой. Это была его вторая работа, о которой не платили и о которой никто не знал. Работа быть нормальным. Он делал её хорошо. Лучше, чем первую.

В пять он выключил компьютер и снял пальто со стула. Оно всё ещё было влажным, но уже не таким тяжёлым. Кирилл в этот момент стоял у доски и что-то объяснял, размахивая маркером, и Илья прошёл мимо, не прощаясь, потому что если попрощаться, Кирилл обязательно скажет что-нибудь бодрое, а у него не было сил на бодрое.

Домой он доехал в полудрёме, прижавшись виском к стеклу, и не запомнил дороги. На улице потемнело. Морось превратилась в мелкий дождь, и люди бежали, прикрывая головы, хотя это не помогало. Илья не бежал. Он шёл спокойно, и вода стекала по его лицу, и он не вытирал её.

Дома он разделся, повесил пальто на крючок — снова на тот же крючок, в том же коридоре, где нет батареи. Поставил чайник. Сел на диван. Включил ноутбук. Открыл письма. Не ответил. Чайник щёлкнул. Он налил чай, поставил чашку на стол и снова сел. За окном капало с отлива, ровно, издевательски. Три секунды тишины, капля.

Он просидел так, наверное, час. Может, два. В какой-то момент он понял, что чай остыл, и это было нормально, это было как всегда. Он взял чашку и выпил холодный чай, и он был горьким, потому что заварка слишком долго стояла.

В дверь позвонили. Он вздрогнул — не от страха, а от неожиданности. Так поздно к нему никто не приходил. Он подошёл к двери и посмотрел в глазок. На площадке стояла Лидия Петровна, в халате и тапках, с кастрюлей в руках.

Он открыл.

— Илюша, — сказала она. — Я тут суп сварила, много получилось. Возьми, а то стоит, прокиснет.

— Спасибо, — сказал он. — Не надо было.

— Надо, — сказала она и вложила ему кастрюлю в руки. Кастрюля была тяжёлая и тёплая, и от неё пахло курицей и укропом. — И вот ещё что. — Она замялась. — У тебя пальто в коридоре мокрое висит. Я слышу, как ты приходишь, у тебя дверь скрипит. Ты его хоть когда-нибудь сушишь?

— Сушу, — сказал он.

— Не сушишь. Оно у тебя с воскресенья сырое, я же вижу, когда мимо прохожу. — Она посмотрела на него, и в её

глазах было что-то такое, от чего ему стало не по себе. — Илюша. Ты как?

— Нормально, — сказал он.

Она постояла ещё немного, будто ждала, что он скажет что-то ещё. Он не сказал.

— Ну, — вздохнула она. — Ешь суп. И кастрюлю потом отдай, она моя, любимая.

Она ушла, и он закрыл дверь, и постоял в коридоре, держа кастрюлю. Потом отнёс её на кухню, поставил на плиту, накрыл крышкой. Суп он есть не стал. Он не был голоден. Он вообще не помнил, когда в последний раз был голоден по-настоящему.

Он сел на диван и посмотрел на телефон. Ни одного сообщения. Ни одного звонка. У него были друзья — Максим, например, с которым они знакомы со школы, — но Максим тоже не звонил. У Максима была своя жизнь, работа, жена, и он звонил раз в месяц, и Илья каждый раз говорил, что у него всё хорошо, и Максим верил, потому что ему тоже было удобно верить. А может, не верил, но не знал, что делать, если не верить. Илья его не винил. Он бы тоже не знал.

Илья открыл шкаф в прихожей. Там, на верхней полке, за старыми куртками, стояла коробка из-под обуви, перевязанная бечёвкой. Он не открывал её много лет. Внутри были письма, фотографии и ещё что-то, о чём в семье не говорили. Он знал, что она там. Иногда, в такие вечера, как этот, он вспоминал о ней и думал: надо бы посмотреть. И не смотрел.

Он стоял перед шкафом, держась за дверцу, и смотрел на верхнюю полку. Рука уже потянулась вверх — он сам не заметил, как. Пальцы коснулись бечёвки. Она была шершавая и пыльная. Он постоял так, наверное, с минуту. Потом убрал руку. Закрыл шкаф.

Не сегодня. Сегодня он уже сделал достаточно — дожил до вечера и не сорвался. Больше ему сегодня ничего не нужно.

Потом умылся, лёг в кровать и укрылся одеялом, которое было холодным и влажным, как всё в этом городе. За стеной соседи смотрели телевизор, и голоса были приглушённые, и интонации он слышал: кто-то кому-то что-то доказывал.

За окном капало с отлива. Три секунды тишины, капля.

Илья лежал с открытыми глазами и думал о том, что завтра будет то же самое. Морось. Мокрое пальто. Кирилл. Остывший чай. И это было не отчаяние, нет. Отчаяние — это когда больно. А ему не было больно. Ему было никак. И это, наверное, было хуже всего.

Он закрыл глаза.

И ему ничего не снилось.

Глава 2. Остановка

Илья

Голова болела с самого утра — не сильно, а нудно, с левой стороны, от виска к затылку, как будто кто-то медленно вкручивал шуруп. Илья проснулся с этой болью, выполз из неё, выпил кофе, и боль осталась, только чуть отступила, чтобы дать ему дойти до работы. К обеду она вернулась. К вечеру он уже плохо соображал.

В аптеку он зашёл по дороге домой, потому что дома не было ничего, кроме пустой упаковки из-под обезболивающего, которую он зачем-то оставил в ящике стола — наверное, чтобы напоминать себе, что надо купить. Он и напоминал. Три дня.

Аптека была в углу дома, на первом этаже, за стеклянной дверью, которая всегда была приоткрыта, потому что доводчик сломался ещё прошлой осенью. Внутри пахло лекарствами и старой бумагой, и было душно. У единственного открытого окна стояла очередь — человек шесть, не больше, но двигалась она медленно, потому что вторая касса была закрыта, а на ней висела табличка, написанная от руки: «Перерыв до 18:00». Было 17:40.

Илья встал в конец. Люди перед ним переминались, смотрели в телефоны, кто-то тихо разговаривал по мобильному, прикрывая рот ладонью. За прилавком женщина в белом ха-

лате искала что-то в ящиках, и по её лицу было видно, что она устала и что ей всё равно. На полу у входа лежал коврик, насквозь мокрый, и каждый, кто входил, оставлял на линолеуме тёмный след.

Илья стоял и смотрел в спину женщине в зелёном пальто.

Он узнал её не сразу. Сначала — пальто, тот самый цвет, болотный, с потемневшими от воды плечами. Потом — сломанный зонт, который она держала под мышкой, сложенный, но не до конца: одна спица торчала вверх, как сломанный палец. И книга. Она держала книгу в полиэтиленовом пакете, прижимая к груди, и пакет был запотевший изнутри, и по нему было видно, что книга мокрая.

Она не стояла спокойно, как все. Она переступала с ноги на ногу, и свободной рукой — той, что держала пакет, — прижимала книгу крепче, будто боялась, что она вырвется. Потом она достала её из пакета и раскрыла. Илья увидел страницы — они слиплись, пошли волной, и на сгибе, там, где книга была раскрыта, белела каша из бумаги и воды. Женщина смотрела на это, и лицо у неё было такое, будто она потеряла что-то важное.

— Ох, — сказала она тихо, ни к кому не обращаясь. — Ну вот.

Илья не собирался ничего говорить. Он вообще не любил говорить с незнакомыми людьми, особенно в очередях, особенно когда болела голова. Но она стояла прямо перед ним, и книга в её руках размокала у него на глазах, и он почему-то

сказал:

— Её надо в морозилку.

Женщина обернулась. У неё были серо-зелёные глаза, и в них сначала мелькнуло удивление, а потом — недоверие.

— Что?

— Книгу. — Он кивнул на страницы. — В морозилку, между двумя листами бумаги. Промокшие страницы не надо сушить на батарее — они склеятся. А в морозилке вода испаряется медленно, бумага не деформируется. Ну, почти.

Она смотрела на него секунду, потом на книгу, потом снова на него.

— Вы откуда знаете?

— У меня мать учительница, — сказал он. — У неё библиотека. Я в детстве много книг утопил.

Это была правда, только не вся. Про морозилку он узнал позже, из интернета, когда сам залил чаем сборник, который ему был дорог, и потом полночи выкладывал страницы бумажными полотенцами. Но об этом он говорить не стал.

Женщина посмотрела на книгу ещё раз, потом бережно закрыла её и спрятала обратно в пакет.

— Спасибо, — сказала она. — Я хотела её просушить на батарее. Вечером.

— Не надо на батарее. — Он сам не понимал, почему продолжает говорить. — Она станет волнистой, и потом уже ничего не сделаешь.

— Вы, я смотрю, специалист.

— Нет. Просто у меня было много утопленных книг.

Она усмехнулась — коротко, уголком рта, — и отвернулась к прилавку. Очередь сдвинулась на одного человека. Илья стоял и думал о том, что надо было промолчать, и что голова болит сильнее, и что он, наверное, выглядит странно — взрослый мужчина, который даёт советы по сушке книг в аптечной очереди. Но женщина снова обернулась.

— А почему в морозилку? — спросила она. — Если вода испаряется, почему не на воздухе?

— На воздухе страницы слипаются, пока сохнут. А в морозилке вода превращается в лёд, и лёд сублимируется — сразу в пар, минуя жидкое состояние. — Он запнулся. — Ну, это если по-научному. На практике просто меньше шансов, что всё склеится в кирпич. Хотя, честно говоря, я читал это в интернете. Не проверял на особо ценных книгах.

— Значит, эксперимент, — сказала она. — На моей книге.

— Получается, так.

— Ну, спасибо. — Но в голосе не было злости. — Хоть кто-то дал мне надежду. А то я уже попрощалась.

— Сублимируется, — повторила она с уважением. — Надо же.

— Я инженер, — сказал он, как будто это всё объясняло. — Привык к техническим терминам.

— А я реставратор, — сказала она. — И мне стыдно, что я этого не знала.

Он посмотрел на неё внимательнее. Реставратор. Тогда

понятно, почему у неё такое лицо было, когда она увидела слипшиеся страницы. Для неё это было не просто книга — это была работа, которую она не сделала, или книга, которую она не спасла, или, может быть, что-то личное, что теперь портилось у неё на глазах.

— Реставратор чего? — спросил он.

— Бумаги. Книги, документы, фотографии. — Она вздохнула. — Иногда мебель. Но в основном бумага. Вот, — она приподняла пакет, — сегодня я должна была её сдать. Заказчик ждал. А я её уронила в лужу у метро.

— Как?

— Очень просто. У меня сломался зонт, — она кивнула на торчащую спицу, — я пыталась его закрыть, и в этот момент сумка перевернулась. И книга выпала. Прямо в лужу. Лицом вниз.

Илья вспомнил вчерашнее утро. Остановку. Женщину у столба, которая возилась с зонтом, и автобус, который подошёл слишком быстро, и его собственное «не моё дело». Ему стало неловко, хотя он ничего плохого не сделал. Просто не помог. Но это было то же самое.

— Это вы были вчера на остановке, — сказал он. — У столба. С этим зонтом.

Она прищурилась.

— А вы... — Она замолчала, потом узнала. — Серое пальто. Вы стояли под дождём, а не под навесом. Я ещё подумала: странный человек, почему он мокнет, когда есть крыша.

— Под навесом было много людей, — сказал он. — И пахло сигаретами.

— Логично. — Она усмехнулась. — А я стояла и боролась с зонтом. Вы видели.

— Видел.

— И не помогли.

— Не помог. — Он не стал оправдываться. — Автобус подошёл.

— Автобус, — повторила она. — Ну да. Автобус — это уважительная причина.

Она не злилась. В её голосе была скорее ирония, чем обида, и это было легче, чем если бы она обиделась.

— Я бы всё равно не справилась, — сказала она. — Он сломан основательно. Я его уже полчаса мучила. — Она подняла зонт и посмотрела на него, как на больного родственника. — Ему лет десять. Мне его подарили. Он был хороший.

— Зонты не ремонтируют? — спросил Илья.

— Ремонтируют. Но не такие. У него сломана не спица, а механизм. Это как менять сердце. Дешевле купить новый.

Очередь сдвинулась ещё на одного. Перед ними осталось трое. Женщина за прилавком всё ещё искала что-то в ящиках, и теперь к ней подключилась вторая, которую вызвали из подсобки, и они вдвоём перебирали коробки, и по их лицам было видно, что они не помнят, где лежит то, что нужно, и что это не их вина, а система.

— А вы что берёте? — спросила она.

— Обезболивающее, — сказал Илья. — Голова болит.

— С утра?

— С утра.

— И вы до сих пор работали?

— А что делать.

Она посмотрела на него так, как смотрят на человека, который сказал что-то, что не собирался говорить. Не с жалостью — скорее с любопытством. Илья отвернулся.

— А вы? — спросил он, чтобы перевести разговор.

— Что я?

— Что вы берёте?

— Ничего. — Она кивнула на прилавок. — Я за заказом. Мне должны были привезти специальный клей для бумаги. Для этой самой книги, между прочим. Ирония.

— Клей и книга, которую надо спасать, — сказал Илья. — Это как врач, который заболел.

— Вот именно. — Она вздохнула. — Я сегодня весь день думала, что если книга не спасётся, то это знак. Что мне вообще не надо было за неё браться. — Она помолчала. — Глупо, да?

— Нет, — сказал он. — Не глупо.

Она посмотрела на него внимательно, и он почувствовал, что она видит больше, чем он хотел бы показать. У неё был такой взгляд — не оценивающий, а просто внимательный, как у человека, который привык смотреть на вещи под лупой и замечать трещины.

— Меня зовут Анна, — сказала она.

— Илья.

— Очень приятно, Илья. — Она протянула руку, и он пожал её. Рука была холодная и немного влажная от пакета. — Спасибо за совет про морозилку. Серьёзно. Я бы её испортила.

— Пока не за что. Вы ещё не попробовали.

— Ну, попробую и расскажу, — сказала она. — Если получится.

Очередь дошла до неё. Она назвала фамилию, и женщина за прилавком ушла в подсобку и вернулась с маленькой коробочкой, которую Анна взяла и сунула в сумку. Потом она отошла в сторону, пропуская Илью, и он назвал своё обезболивающее, и оно нашлось сразу, потому что лежало на видном месте, и он заплатил, и взял чек, и отошёл.

Она ждала его у двери. Он не ожидал, что она будет ждать.

— Вы в ту сторону? — спросила она, кивнув на улицу.

— В ту.

— Я тоже. — Она натянула капюшон. — Пойдёмте вместе. Всё веселее, чем под дождём одной.

Они вышли. На улице уже стемнело, и морось стала мельче, но плотнее, как будто воздух пропитался водой и не мог больше её держать. Фонари горели мутно, в ореолах, и лужи под ними блестели, как разлитая ртуть. Анна раскрыла сломанный зонт — он раскрылся, но криво, с перекосом на одну сторону, — и держала его над собой, и одна половина её

плеча всё равно оставалась мокрой.

— Он хотя бы раскрывается, — сказала она, перехватив взгляд Ильи. — Это уже половина успеха.

— А вторая половина?

— Вторая половина — это когда он закрывается.

Они пошли по тротуару, обходя лужи, которые обходить было бесполезно, потому что они были везде. Анна шла чуть впереди, и Илья видел, как она старается держать зонт так, чтобы он не задевал прохожих, и как это у неё плохо получается, и как она извиняется перед каждым, кого задевает.

— Вы всегда так, да? — спросил он.

— Как?

— Извиняетесь за неисправные вещи.

Она задумалась.

— Наверное, да. Мне кажется, что если вещь сломалась, то это моя вина. Даже если её сломали до меня.

— У вас есть кошка?

— Нет. А что?

— Просто вы похожи на человека, который завёл бы кошку и извинялся бы перед ней за то, что она кошка.

Анна засмеялась — негромко, но по-настоящему, и этот смех прозвучал в мокром воздухе неожиданно живо, как птица в подвале.

— Это было грубо, — сказала она. — Но точно. Откуда вы знаете?

— Я сам такой, — сказал Илья. — Только я не извиняюсь.

Я просто молчу и чувствую себя виноватым.

— Это хуже, — сказала Анна. — Молчаливая вина — самая тяжёлая.

Они дошли до перекрёстка. Горел красный, и они стояли, глядя на машины, которые проезжали мимо, поднимая фонтаны воды. Один фонтан долетел до них, и Анна инстинктивно прикрыла пакет с книгой, а Илья прикрыл её сам, хотя это было бессмысленно.

— Слушайте, — сказала она. — Я хотела спросить. Почему вы вчера не подошли? К зонту.

Он не ожидал этого вопроса. Хотя, наверное, должен был.

— Не знаю, — сказал он честно. — Автобус подошёл.

— Это не причина. Автобус можно было пропустить.

— Можно было.

— Но вы не пропустили.

— Не пропустил.

— Почему?

Он молчал. Красный свет сменился зелёным, но они не сразу пошли. Анна смотрела на него, и в её взгляде не было укора. Только ожидание.

— Потому что я не привык подходить, — сказал он наконец. — Я не из тех, кто подходит.

— Жалко, — сказала она. — Вы бы, наверное, справились лучше меня.

Они перешли дорогу. За перекрёстком их пути расходились: ей направо, ему налево. Анна остановилась и сложила

зонт — на этот раз он закрылся, правда, с третьей попытки, и она торжествующе посмотрела на Илью.

— Всё-таки закрывается, — сказала она. — Значит, не всё потеряно.

— Значит, не всё, — согласился он.

— Илья. — Она переложила книгу из пакета в сумку, чтобы освободить руки. — Вы тут близко живёте?

— Близко.

— Я тоже. — Она помолчала. — Может, как-нибудь пересечёмся. В этой аптеке, например. Или на остановке. Вы, я заметила, всегда стоите под дождём.

— Я всегда стою под дождём, — сказал он. — Это привычка.

— Плохая привычка. — Она улыбнулась. — До свидания, Илья. И спасибо за морозилку.

— До свидания.

Она ушла направо, и он смотрел ей вслед, пока она не свернула за угол. Зелёное пальто, сломанный зонт, книга в пакете — всё это удалялось и уменьшалось, и в какой-то момент стало просто тёмным пятном на фоне мокрой улицы.

Илья постоял ещё немного. Голова всё ещё болела, но теперь это было как-то иначе — не так нудно, что ли. Он достал из кармана упаковку обезболивающего, посмотрел на неё и сунул обратно. Дома выпьет.

Он пошёл налево, к своему дому, и всю дорогу думал о том, что сказал слишком много. И о том, что она не спроси-

ла, почему он не подошёл, — не из вежливости, а потому что действительно хотела знать. И ещё о том, что она реставратор, и что она сказала про молчаливую вину, и что это было неожиданно точно.

Дома он повесил мокрое пальто на крючок, выпил таблетку и сел на диван. За окном капало с отлива. Три секунды тишины, капля.

Он подумал: завтра он, наверное, снова её увидит. На остановке. Или в аптеке. Или где-нибудь ещё. Город был маленький, и людей в нём было много, но почему-то именно её он встретил дважды за два дня.

Он посмотрел на мокрое пальто на крючке и не стал его снимать.

⁂

Анна

На четвёртый этаж она поднималась пешком, считая ступени, потому что лифт не работал уже месяц, а жаловаться было некому. Тридцать девять ступеней, если не считать площадок. На тридцать восьмой она остановилась, переложила сумку из одной руки в другую и подумала, что зря не вызвала такси.

Дома она поставила сумку на пол, прошла в кухню, включила свет. На столе лежали инструменты — скальпель, кисти, маленький пресс, — и она машинально убрала их в сторону, хотя никто не собирался пить чай. Скальпель был старый, с потёртой ручкой, и она любила его больше осталь-

ных инструментов, хотя это было нелогично — он был самый простой. Она купила его на первые заработанные деньги, в мастерской у метро, у старика, который собирался закрываться, и он сказал ей: «Хорошая сталь. Тебе хватит на всю жизнь». Она тогда подумала, что «всю жизнь» — это очень долго, и не поверила. Сейчас она держала его в руках и думала, что старик, наверное, был прав.

Книга была мокрая. Анна раскрыла её под лампой и стала смотреть на страницы. Они слиплись, но не все — если аккуратно, если не торопиться, можно было спасти процентов шестьдесят. Морозилка. Она усмехнулась. Надо же.

Она достала два листа пергамента, положила между ними страницы, зажала прессом и убрала в морозилку. Потом села на табурет и стала смотреть на закрытую дверцу холодильника. Руки пахли клеем и старой бумагой. Она машинально понюхала их — привычка, от которой она давно перестала избавляться. В детстве она думала, что реставраторы пахнут чем-то благородным, вроде воска и лаванды. На самом деле они пахли клеем, пылью и чужими руками, которые до них держали эти книги.

Она достала телефон, чтобы проверить, не написал ли заказчик, и увидела, что Вера звонила три раза. И ещё сообщение: «Перезвони».

Анна набрала номер.

— Ты где? — спросила сестра, не здороваясь. — Я звонила три раза.

— В аптеке была. Потом домой шла.

— Пешком? В такую погоду?

— В такую погоду все ходят пешком.

— Ты могла вызвать такси.

— Вера.

— Что Вера? Я тебе говорю уже год: перестань экономить на себе.

Анна вздохнула. Она любила сестру, но иногда разговор с ней был как приём у врача, который заранее знает диагноз и не даёт тебе слова сказать.

— У меня зонт сломался, — сказала она. — Я промокла. Потом встретила одного человека в аптеке.

Пауза.

— Какого человека?

— Мужчину. Он мне подсказал, как книгу спасти.

— Как спасти книгу, — повторила Вера. — И всё?

— И всё.

— А зовут его как?

— Илья.

— Илья. — Вера помолчала. — Сколько ему лет?

— Не знаю. Тридцать с чем-то.

— С чем-то. — В голосе сестры появилась интонация, от которой хотелось спрятаться под стол. — Анна. Ты познакомилась с мужчиной в аптеке и даже не спросила, сколько ему лет?

— Мы разговаривали про сушку бумаги.

— Про сушку бумаги. — Вера вздохнула. — Я по голосу слышу, что ты уже начинаешь.

— Что начинаю?

— Ты знаешь что.

Анна промолчала. Она смотрела на морозилку и думала о том, что Вера, возможно, права. Возможно, она действительно всегда выбирает тех, кого надо спасать. Она вспомнила, как однажды, три года назад, сидела на кухне у Андрея и объясняла ему, как составить резюме. Он тогда только потерял работу, и она пришла его поддержать, и просидела до ночи, и составила резюме, и разослала его по пятидесяти вакансиям, и ушла домой, чувствуя себя нужной. А через неделю он напился и не пришёл на собеседование, и она поехала к нему, и он сказал: «Ты слишком хорошая для меня», и она ответила: «Нет, это ты хороший», и оба были неправы, и оба это знали, но продолжали говорить. Она была хорошим реаниматором. Она просто не умела жить с людьми, которые не нуждались в реанимации.

— Мы просто поговорили, — сказала она. — В аптеке. Про книгу. Всё.

— Хорошо, — сказала Вера, но было слышно, что она не верит. — Только обещай мне одну вещь.

— Какую?

— Если он начнёт рассказывать, как ему тяжело, — не бросайся спасать. Просто послушай.

Анна закрыла глаза.

— Хорошо, — сказала она. — Я обещаю.

— И вызови такси, когда пойдёшь куда-нибудь. Пожалуйста.

— Хорошо.

— Я серьёзно.

— Я сказала «хорошо».

Они попрощались, и Анна положила телефон на стол. Потом открыла морозилку, посмотрела на книгу между листами пергамента, закрыла. Взяла чашку, налила чай, села и стала смотреть в окно. За окном шёл дождь — мелкий, ровный, бесконечный. На стекле собирались капли и скатывались вниз, оставляя за собой мокрые дорожки.

Она думала об Илье. О сером пальто, о том, как он стоял под дождём, хотя рядом был навес. О том, как он сказал «не привык подходить» — просто, без оправданий, будто это была не жалоба, а факт.

Она отпила чай. Он был горячий, и это было приятно.

За окном капало. Три секунды тишины, капля.

Анна поставила чашку и пошла в ванную — умываться, снимать с себя этот длинный, мокрый, странный день. У двери она обернулась и ещё раз посмотрела на морозилку. Потом выключила свет в кухне.

Глава 3. Второй раз

Илья

Он проснулся от капели. Не от будильника — до него оставалось ещё минут десять, — а от того, что за окном сбилось: три секунды тишины, капля, секунда, капля, капля. Он лежал и слушал, как дождь меняет ритм, и думал о том, что сегодня, кажется, будет суше. Не сухо. Просто суше. В этом городе «суше» было максимумом.

Он встал. Тело подчинялось чуть легче, чем вчера, но он не придал этому значения — просто день такой. Умылся, посмотрел в зеркало, отвернулся. Сварил кофе, на этот раз не пожалел порошка — просто потому, что банка была почти пустая и надо было её добить. Выпил стоя, у окна. Женщина с собакой шла по своему обычному маршруту. Собака обходила лужи. Женщина шла прямо.

Он достал из шкафа пальто. Оно было мокрым — как всегда. Он постоял с ним в руках, потом повесил обратно и достал куртку. Куртка была сухая. Это было единственной причиной, по которой он её выбрал. Никакой другой причины не было.

В кармане куртки он нащупал квитанцию — ту самую, сложенную пополам. Вытащил, посмотрел на цифры. Потом смял и бросил в мусорное ведро. Не потому, что решил начать новую жизнь. Просто надоело, что она там лежит.

Дверь он закрыл тихо. На лестнице, между четвёртым и третьим, по-прежнему лежал окурок. Илья прошёл мимо. Он даже не подумал о том, чтобы его поднять. Просто прошёл.

На улице морось была мелкая, почти невидимая. Он шёл, глядя под ноги, как обычно. Не смотрел по сторонам. Не искал никого. Просто шёл.

У остановки он увидел её сразу — потому что она стояла на том же месте, у того же столба, и на этот раз зонт висел у неё на запястье, закрытый, а в руке был стакан кофе. Книги не было. Он замедлил шаг, потом ускорил, потом снова замедлил. Она подняла голову.

— О, — сказала она. — Здравствуйте.

— Здравствуйте.

Они постояли секунду. Она была в том же зелёном пальто, но капюшон был опущен, и на носу были очки — маленькие, круглые, в тонкой оправе. Вчера очков не было.

— Вы без пальто, — сказала она.

— Куртка.

— Вижу. — Она усмехнулась. — Пальто так и не высохло?

— Не высохло.

— А я думала, вы его сушите.

— Сушу. — Он пожал плечами. — Оно просто не сохнет.

— В этом городе ничего не сохнет, — сказала она. — Это известный факт.

Они помолчали. Мимо прошёл мужчина с зонтом, задел Анну плечом, сказал «извините» и пошёл дальше. Анна по-

сторонилась.

— Книга высохла, — сказала она. — Не идеально. Страницы волнистые, но не слиплись. Я её под пресс положила, полежит недельку, будет почти как новая.

— Почти, — сказал Илья.

— Почти. — Она отпила кофе. — Я вам, честно говоря, не очень верила. Думала, испорчу окончательно. Но решила: терять уже нечего.

— Значит, не испортили.

— Значит, не испортила. — Она посмотрела на него. — Спасибо. Вы спасли мне заказ.

— Не за что.

— Есть за что.

Подошёл автобус. Илья отступил в сторону и пропустил её вперёд. Она удивилась.

— Вы меня пропускаете?

— А что?

— Вчера вы не пропустили.

— Вчера я не знал, что вы — это вы.

Она посмотрела на него, но ничего не сказала. Просто вошла в автобус. Он вошёл следом.

В автобусе было тесно. Они стояли рядом, держась за поручни, и их качало в такт. Её плечо иногда касалось его руки. Он не отодвигался. Она тоже.

— А вы куда едете? — спросила она.

— На работу. Бизнес-центр на Заречной.

— А я в мастерскую. Старый дом, семейный архив. Хозяева хотят оцифровать, а я говорю: сначала починить, потом оцифровывать. — Она вздохнула. — Спорю с заказчиками. Это моя вторая работа.

— А первая?

— Реставрация. Первая — реставрация, вторая — споры.

Илья усмехнулся. Негромко, уголком рта. Она посмотрела на него и улыбнулась в ответ — не широко, просто чуть-чуть.

— У меня тоже вторая работа, — сказал он.

— Какая?

— Быть нормальным.

Он сказал это и тут же пожалел. Слишком честно, слишком быстро. Но Анна не удивилась и не стала утешать. Она просто кивнула.

— Тяжёлая, — сказала она. — Я тоже на ней работаю. Иногда беру сверхурочные.

— И как?

— Не платят. — Она отпила кофе. — И премий не дают.

Автобус дёрнулся, она покачнулась, и Илья придержал её за локоть. Рука была тёплая. Он сразу убрал её.

— Извините.

— Не за что. — Она улыбнулась. — Вы, я смотрю, всё-таки умеете подходить. В смысле, придерживать.

— Это проще, чем подходить.

— Не скажите. Некоторые и придерживать не умеют.

Она вышла раньше него, на две остановки. У двери обернулась.

— Илья.

— Да?

— Вы каждый день на этой остановке?

— Каждый день.

— Значит, увидимся.

— Значит, увидимся.

Двери закрылись. Он смотрел, как она идёт по тротуару — зелёное пальто, сумка, стакан кофе, — и она не оборачивалась.

На работе Кирилл посмотрел на него внимательно.

— Ты сегодня какой-то не такой.

— Какой?

— Не знаю. — Кирилл прищурился. — Другой. Выспался?

— Выспался.

— Врёшь.

— Не вру.

— Ну ладно. — Кирилл хлопнул его по плечу — не так сильно, как вчера, — и отвернулся к монитору. — Работаем.

Илья работал. Между письмами и таблицами он ловил себя на том, что думает о книге. Высохла ли она. Помог ли пресс. И ещё о том, что у него нет её номера, и что он даже не знает её фамилии. Это почему-то беспокоит его — не сильно, но заметно, как заноза, которую не вытащить.

В обед он ответил на одно письмо. Не на все. Просто на одно, которое было срочным. Потом закрыл ноутбук и пошёл на кухню за кофе, и стоял у окна, глядя на лужу во дворе, в которой отражалось здание. Курильщики стояли под козырьком. Дым стелился по земле.

Вечером он пришёл домой, снял куртку, повесил на крючок. Достал пальто из шкафа — оно всё ещё было мокрым, — и повесил его обратно. Сел на диван. Включил ноутбук. Открыл письма. Посмотрел на них. Закрыл ноутбук.

За окном капало с отлива. Три секунды тишины, капля.

Он просидел так, наверное, час. Потом встал, поставил чайник, налил чай, сел обратно. Чай остыл. Он выпил его холодным.

Он не думал о том, увидит ли он её завтра. Он вообще старался не думать. Просто сидел и слушал, как капает.

⁂

Анна

Книга вышла из морозилки волнистой, но не слипшейся. Анна положила её под пресс и села рядом на табурет, и смотрела на неё, как смотрят на человека, который выжил после операции. Страницы были неровные, чуть покоробленные по краям, и на сгибе остался едва заметный след — там, где вода размыла чернила. Но текст читался. Книга была жива.

Она поймала себя на том, что улыбается. Потом поймала себя на том, что улыбается из-за мужчины, которого видела

один раз в жизни, и улыбка стала другой — более осторожной.

— Глупо, — сказала она вслух. В квартире было тихо, и голос прозвучал странно.

В мастерскую она вышла позже, чем собиралась, и почти бежала до остановки. У столба остановилась перевести дух — и увидела его. Он шёл в куртке вместо пальто, и сначала она не узнала его, но потом он поднял голову, и она узнала лицо. То же лицо, что вчера. Но что-то в нём было иначе — может, то, что он смотрел по сторонам, а не под ноги.

Она сказала про книгу. Он сказал «почти». Она согласилась. Она говорила больше, чем собиралась, и понимала это, и не могла остановиться. Потом сказала, что он сегодня какой-то другой, — и тут же пожалела, потому что это было слишком прямо, слишком быстро, слишком много для третьего разговора. Но он не обиделся. Он просто сказал:

— Вы сегодня с очками.

И она удивилась. Не тому, что он заметил — очки были на носу, их трудно было не заметить, — а тому, что он запомнил, что вчера их не было.

— Ага, — сказала она. — Для работы. Я без них не вижу мелкого.

— Запомнил, — сказал он.

— Надо же. А я вчера запомнила, что у вас мокрое пальто. Мы квиты.

Она сказала это легко, шутя, но внутри что-то дрогнуло.

Они оба запомнили друг о друге что-то маленькое и ненужное. И это было важнее, чем все разговоры про сушку книг.

В автобусе они стояли рядом. Их качало, и её плечо иногда касалось его руки, и она не отодвигалась, и он не отодвигался. Она рассказала про мастерскую, про заказ, про спор с хозяевами, и он слушал — действительно слушал. Потом он сказал:

— У меня тоже вторая работа. Быть нормальным.

Она не стала утешать. Она поняла, что если сейчас сказать «ой, бедный», он замолчит и больше никогда не скажет ничего честного. Поэтому она сказала про сверхурочные и про премии, и он усмехнулся, и это было правильно.

Автобус дёрнулся, она покачнулась, и он придержал её за локоть. Рука была тёплая. Он сразу убрал её и сказал «извините», и она сказала «не за что», и подумала: интересно, он всегда так быстро убирает руку, или только со мной.

Она вышла на своей остановке. У двери обернулась.

— Илья.

— Да?

— Вы каждый день на этой остановке?

— Каждый день.

— Значит, увидимся.

Она вышла и пошла, не оборачиваясь, потому что если бы обернулась, то увидела бы его через стекло, и он бы увидел, что она обернулась, и это было бы слишком. Она шла и чувствовала, что улыбается, и злилась на себя за это, и всё равно

улыбалась.

Мастерская была в старом доме на углу, с высокими потолками и лепниной, которую кто-то когда-то пытался закрасить, а потом бросил. Анна поднялась по скрипучей лестнице, открыла дверь и включила свет. В мастерской пахло клеем, пылью и старым деревом. На столах лежали книги, документы, папки — заказ был большой, на месяц, может, на два.

Хозяева — пожилая пара — хотели оцифровать семейный архив. Анна взялась, потому что работа была интересная и потому что платили хорошо. Но когда она открыла первую коробку, то поняла, что это не просто архив. Это была жизнь. Письма, фотографии, дневники, счета из бакалейной лавки, открытки с видами города, которого давно нет. И среди всего этого — пачка писем, перевязанная лентой, которую никто не открывал.

Она развязала ленту. Верхний конверт был надписан, но не отправлен — марки не было, штемпеля не было. Она достала лист и прочитала.

Это было письмо от женщины к мужчине. Женщина писала о разбитой чашке. «Я разбила твою чашку, синюю. Прости. Я попробую склеить». Дальше — про соседскую собаку, которая лаяла всю ночь, про дождь, который залил крышу, про то, что кошка отказалась есть. И в конце: «У нас всё хорошо. Не волнуйся».

Анна перечитала. Потом достала следующее письмо из пачки — оно было отправлено, со штемпелем, — и в нём та

же женщина писала: «Синяя чашка так и лежит разбитая. Я всё собираюсь склеить, но руки не доходят». Анна посмотрела на дату. Между письмами было два года.

Она держала в руках два письма — одно неотправленное, где женщина обещала склеить чашку, и другое, отправленное через два года, где чашка всё ещё лежала разбитая. И она думала о том, сколько таких обещаний люди дают сами себе, и сколько из них не выполняют, и как потом живут дальше, как будто ничего не было. Она аккуратно вложила письма обратно и перевязала пачку лентой. Потом вернулась к работе — к другим письмам, к фотографиям, к счетам. Но мысль о разбитой чашке осталась, как заноза, и она знала, что вернётся к ней вечером.

Домой она шла пешком, хотя Вера сто раз говорила вызвать такси. Морось была мелкая, почти невидимая, и она не раскрывала зонт — всё равно сломан. Она шла и думала об Илье, о том, как он придержал её за локоть, и о том, как быстро убрал руку. И ещё о том, что завтра она, наверное, снова пойдёт на эту остановку, хотя можно было бы пойти другой дорогой.

Дома она поставила чайник, села на табурет и посмотрела на морозилку. Потом достала телефон и позвонила Вере.

— Ты чего? — спросила Вера. — Что-то случилось?

— Ничего не случилось.

— Тогда почему звонишь?

— Просто так.

Пауза.

— Ты странная сегодня.

— Я знаю.

— Это из-за того мужчины из аптеки?

Анна помолчала.

— Может быть.

— Анна. — Вера вздохнула. — Ты помнишь, что мама говорила?

— Что?

— «Не путай жалость с любовью». — Она помолчала. — Я просто напоминаю. Не потому, что он плохой. Я не знаю, какой он. Просто ты всегда путаешь.

Анна закрыла глаза. Она помнила, как мама это говорила — не ей, а соседке, у которой муж пил, но Анна слышала, стоя в коридоре. Ей было тогда лет двенадцать.

— Я помню, — сказала она.

— Хорошо. — Вера помолчала. — Позвони мне завтра. Ладно?

— Ладно.

Она положила трубку и налила чай. За окном капало. Она сидела и смотрела на дождь, и в голове у неё было письмо про разбитую чашку, и мужчина, который придержал её за локоть и сразу убрал руку, и завтрашняя остановка, на которую она пойдёт, хотя могла бы пойти другой дорогой.

Три секунды тишины, капля.

Она допила чай и пошла спать.

Глава 4. Чай и сушка

Илья

В субботу он проснулся и понял, что ему некуда идти. Это было не свобода, а пустота. В будни был каркас — работа, автобус, письма, — и на него можно было натянуть день. В субботу каркаса не было.

Он лежал и слушал, как капает. Потом встал, сварил кофе, выпил стоя. Посмотрел на пальто в шкафу. Достал, повесил на батарею в ванной. Не потому, что решил что-то изменить, а потому, что надоело каждый день надевать куртку. Пальто провисело два часа. Он потрогал — всё ещё влажное. Снял и повесил обратно в шкаф.

К одиннадцати он понял, что не может сидеть дома. Оделся, вышел и пошёл без цели. Ноги сами привели его к остановке.

Она стояла у столба. Зонт висел у неё на запястье, и она смотрела в телефон. Он подошёл.

— Здравствуйте.

Она подняла голову. Улыбнулась — не широко, но по-настоящему.

— Здравствуйте. Вы в субботу тоже на остановке?

— Я не на остановке. Я просто шёл.

— И пришли на остановку.

— Получается, так.

Она убрала телефон в карман.

— Я в мастерскую. Хозяева архива написали, что нашли ещё одну коробку. — Она вздохнула. — Думала, что вчера закончила, а они нашли ещё одну. Это как грибы. Появляются, когда не ждёшь.

— А вы не хотите?

— Хочу. Просто холодно. В мастерской отопление не работает, сижу в пальто и перчатках. Как в девятнадцатом веке.

Илья не знал, что на это сказать. Он стоял и смотрел на неё, и она смотрела на него, и молчание было не неловким, а каким-то другим — как пауза, которую можно заполнить или не заполнять.

— Слушайте, — сказала она. — Тут за углом есть кафе. Тёплое. С батареей. Я туда иногда хожу, когда в мастерской совсем холодно. Могу я вас пригласить на чай? В благодарность за книгу.

Он удивился. Не тому, что она предложила, — хотя и этому тоже, — а тому, как она это сказала. Просто, без кокетства, без расчёта. Как человек, который предлагает то, что может предложить.

— Можно, — сказал он.

— Только у меня условие.

— Какое?

— Вы не будете извиняться за то, что у вас мокрые вещи. В кафе есть батарея, мы всё высушим.

Он посмотрел на свою куртку. Она была мокрая.

— Хорошо, — сказал он.

Кафе было маленькое, на шесть столов, с высокими окнами и батареей под каждым подоконником. Внутри пахло кофе и мокрой шерстью. За стойкой стояла девушка с пирсингом в брови и смотрела в телефон. Играла тихая джазовая музыка.

Анна прошла к дальнему столу, у окна, и сняла пальто. Повесила его на спинку стула, потом подумала и перевесила на батарею. Достала из сумки шарф, перчатки, книгу — ту самую, высохшую, волнистую, — и разложила всё на батарее. Илья снял куртку и повесил рядом.

— Вот, — сказала она. — Теперь мы сохнем.

Они сели. Девушка за стойкой подошла, приняла заказ — два чая и два куска пирога — и ушла. Анна положила локти на стол и посмотрела на Илью.

— Ну, — сказала она. — Расскажите мне что-нибудь.

— Что?

— Что угодно. Вы знаете, про меня, что я реставратор и что у меня сломанный зонт. Я про вас знаю, что вы инженер и что у вас болит голова. Это нечестно.

Илья задумался. Он не привык рассказывать о себе. Не потому, что ему было нечего сказать, а потому, что он не знал, что можно сказать, а что нельзя. Где заканчивается «нормально» и начинается «слишком много».

— Я живу один, — сказал он наконец. — В пятиэтажке. На пятом этаже. Лифт не работает. Соседка печёт пироги.

— Это уже что-то. — Анна улыбнулась. — А что вы делаете, когда не работаете?

— Ничего.

— Совсем ничего?

— Читаю. Иногда. Смотрю в стену. — Он пожал плечами. — Не очень интересная жизнь.

— У всех, не очень интересная жизнь, — сказала она. — Я, например, вчера весь вечер смотрела, как сохнет книга. Это было самое захватывающее, что случилось за неделю.

— И как?

— Высохла. Не идеально, но высохла. — Она помолчала. — А вы знаете, что я вчера нашла в архиве? Письмо. Женщина пишет мужчине, что разбила его чашку. Синяя, говорит, чашка. И что она её склеит. Письмо не отправлено. А через два года — другое письмо, отправленное. И в нём она пишет, что чашка так и лежит разбитая. Руки не доходят.

Илья слушал. Ему было интересно. Не из вежливости — действительно интересно.

— И что? — спросил он.

— И всё. — Анна пожала плечами. — Люди обещают склеить чашку и не склеивают. Два года. И живут дальше.

— Может, у неё были причины.

— Может. — Она посмотрела на него. — Но письмо-то она не отправила. Значит, знала, что не склеит. Или боялась, что он заметит.

Илья промолчал. Он подумал о коробке на верхней полке

— о письмах, которые он не открывал. О том, что там тоже, наверное, есть что-то, что кто-то не отправил.

— А вы? — спросила Анна. — Вы бы склеили чашку?

— Не знаю, — сказал он честно. — Наверное, выбросил бы.

— Почему?

— Потому что склеенная чашка всё равно чашка с трещиной. Она протекает.

Анна посмотрела на него внимательно.

— Не все трещины протекают, — сказала она. — Некоторые только выглядят страшно. Я такую чашку видела. Её склеили золотом, и она стала дороже, чем была.

— Это японцы, — сказал Илья. — Там ещё слово такое... не помню.

— Кинцуги, — сказала Анна. — Я читала про это. В журнале, кажется. Или в интернете. Не помню точно. Но помню, что чашку не выбрасывают. Её чинят, и трещина остаётся видимой. Только она уже не протекает.

— Красиво, — сказал он. — Наверное. Я не очень понимаю, зачем.

— Зачем что?

— Зачем оставлять трещину видимой. Если можно склеить так, чтобы её не было.

— Потому что её всё равно не будет видно, — сказала Анна. — Трещина есть, даже если её не видно. А если её видно, то хотя бы понятно, что было.

Илья не нашёл, что ответить. Он отпил чай.

За окном морось усилилась. Люди пробегали мимо, прикрывая головы. Анна посмотрела на телефон, который лежал на столе, и на её лице что-то изменилось — на секунду, едва заметно. Она взяла телефон, посмотрела на экран и положила обратно, экраном вниз.

— Вера? — спросил Илья.

— Ага. — Анна вздохнула. — Спрашивает, где я. Мы договаривались сегодня пообедать.

— Вы не пойдёте?

— Не хочу. — Она помолчала. — Она будет спрашивать про вас.

— Про меня?

— Она знает, что я встретила мужчину в аптеке. Она считает, что я должна быть осторожна.

Илья не знал, что на это сказать. Он посмотрел на телефон, лежащий экраном вниз.

— Она права, — сказал он. — Насчёт осторожности. Я бы тоже сказал своей сестре, если бы у меня была сестра.

— У вас нет сестры?

— Нет. Только мать. И соседка с пирогами.

Анна улыбнулась. Потом взяла телефон и быстро напечатала что-то. Положила обратно.

— Написала, что задержусь. Что у меня заказ. — Она посмотрела на него. — Это не ложь. У меня действительно заказ. Просто не сейчас.

Илья кивнул. Он не стал спрашивать, зачем она это сделала. И она не стала объяснять.

— Можно я вас кое о чём спрошу? — сказала она.

— Можно.

— Почему вы в понедельник не подошли? Я не про автобус. Я про то, что вы стояли под дождём, а не под навесом. Там было место.

Илья задумался. Он сам не знал ответа. Или знал, но не хотел формулировать.

— Под навесом было много людей, — сказал он. — Я не люблю, когда много людей.

— Это не то. Я тоже не люблю, когда много людей. Но я стою под навесом, потому что не люблю мокнуть. А вы мокнете. Почему?

Он посмотрел на неё. Она смотрела на него без нажима, просто ждала.

— Потому что под навесом надо стоять с людьми, — сказал он. — А под дождём можно стоять одному.

Анна кивнула. Не сказала «ой, бедный». Не сказала «я понимаю». Просто кивнула.

— А я, — сказала она, — стою под навесом, потому что боюсь простудиться. И потому что мама всегда говорила: не стой под дождём, волосы не высохнут. — Она усмехнулась. — Мне тридцать лет, а я всё ещё слышу мамин голос.

— У меня мама учительница, — сказал Илья. — Она всегда говорила: не читай в темноте, глаза испортишь. Я читал.

Глаза испортил. Теперь ношу очки.

— А я не ношу. — Анна поправила свои. — Только для работы.

Они посмотрели друг на друга и засмеялись — негромко, но по-настоящему.

— А вы? — спросила она. — У вас есть что-то, что может пропасть?

Он подумал о коробке на верхней полке. О письмах, которые он не открывал. О матери, которой он не звонил. О Максиме, который звонил раз в месяц. О себе.

— Есть, — сказал он. — Но я не знаю, как за это взяться.

Анна не спросила, что это. Она просто кивнула.

— Если захотите — расскажете, — сказала она. — Не сейчас. Когда захотите.

Они просидели в кафе два часа. Потом Анна посмотрела на часы и сказала, что ей пора. Они встали, сняли вещи с батареи. Пальто Анны высохло. Куртка Ильи — почти.

— Ну вот, — сказала она. — Мы сохнем.

— Сохнем.

Она надела пальто, взяла сумку.

— Илья.

— Да?

— Спасибо, что пришли. — Она улыбнулась. — Это было... тепло.

— Да, — сказал он. — Тепло.

Она ушла. Он постоял ещё немного, потом тоже вышел.

На улице морось стала мельче, почти невидимой.

Он шёл домой и чувствовал, как тепло уходит. Не сразу — оно держалось первые два квартала, как будто прилипло к куртке. Потом начало выветриваться. К третьему кварталу он уже прокручивал разговор. Зачем он сказал про навес? Зачем про мать? Зачем про «есть что-то, что может пропасть»? Она теперь думает, что он странный. Или хуже — что он нуждается в помощи. А он не нуждается. Ему просто было тепло. Два часа. В кафе. Это ничего не значит.

Дома он снял куртку и бросил её на стул. Не повесил на крючок, не положил на батарею — просто бросил. Сел на диван. Квартира была холоднее, чем он помнил. Он посидел, глядя в стену. Потом встал, поставил чайник. Чайник щёлкнул, он налил чай, сел обратно. Чай остыл. Он выпил его холодным.

За окном капало. Три секунды тишины, капля.

Он подумал: завтра воскресенье. Опять некуда идти.

И ещё он подумал, что впервые за долгое время ему было тепло — и что теперь, когда тепло ушло, стало холоднее, чем было до.

⁂

Анна

Она вышла из кафе и пошла к Малой Садовой. Морось была мелкая, почти невидимая. Она шла и думала о том, что ей было хорошо. Два часа. С ним. И что это, наверное, опасно — привыкать к теплу.

Телефон завибрировал. Вера.

«Ты где? Мы же договаривались».

Анна остановилась на перекрёстке, посмотрела на сообщение. Потом напечатала: «На заказе. Перезвоню вечером». Это было не совсем ложью — она действительно шла на заказ. Просто не на тот, о котором Вера думала.

Она убрала телефон в карман и пошла дальше. Дождь был мелкий, и она не раскрывала зонт — всё равно сломан. Она думала о разбитой чашке, о мужчине, который сказал, что склеенная чашка протекает, и о том, что она, наверное, всё-таки попробует. Не чашку. Что-то другое. Она пока не знала что.

Нина Павловна жила в старом доме с высокими потолками и лепниной, которую кто-то когда-то пытался закрасить, а потом бросил. Квартира была большая, и в ней пахло старым деревом и пылью. Нина Павловна была маленькая, сухая, с живыми глазами. Она сразу повела Анну на чердак.

— Я нашла её в углу, за креслом, — сказала она. — Там ещё много коробок. Но эта — самая старая. Я думаю, там письма мамы.

Коробка стояла в углу, за старым креслом. Анна открыла её и увидела письма — много, десятки, перевязанные лентой. Они слиплись от сырости. Она взяла верхнее, осторожно, и прочитала первые строки.

— Это письма моей мамы, — сказала Нина Павловна. — К отцу. Она писала ему всю жизнь. Он был военным, они

часто жили в разных городах. А потом он умер, и она продолжала писать. Ему. Как будто он был жив.

Анна держала письмо в руках. Страницы были слипшиеся, чернила расплылись, но текст читался. Женщина писала о том, что было холодно, что соседская собака лаяла всю ночь, что она купила новую чашку — синюю, как та, разбитая. И в конце: «Я знаю, что ты не прочитаешь. Но я всё равно пишу».

— Вы можете их спасти? — спросила Нина Павловна.

— Попробую, — сказала Анна. — Они мокрые, но не все. Если аккуратно, можно спасти процентов шестьдесят.

— Шестьдесят — это хорошо, — сказала Нина Павловна. — Шестьдесят — это больше, чем ничего.

Анна кивнула. Она смотрела на письма и думала о разбитой чашке, о мужчине, который сказал, что склеенная чашка протекает, и о том, что она, наверное, всё-таки попробует. Не чашку. Письма. Она попробует их спасти. Даже если шестьдесят процентов — это всё, что получится.

Она сложила письма обратно в коробку, закрыла крышку и подняла коробку. Она была тяжёлая. Тяжелее, чем выглядела.

— Я возьму её с собой, — сказала она. — В мастерскую. Там есть пресс и всё, что нужно.

— Спасибо, — сказала Нина Павловна. — Вы не представляете, что это для меня значит.

Анна представила. Она шла домой с коробкой в руках, и

коробка была тяжёлая, и она думала о женщине, которая писала письма мёртвому мужу, и о том, что она, наверное, была очень одинока. И ещё она думала о том, что у неё, Анны, есть Вера, которая звонит три раза, и это, наверное, больше, чем есть у некоторых.

Дома она поставила коробку на стол, рядом с инструментами. Скальпель, кисти, пресс. Она посмотрела на них и подумала: завтра. Завтра она начнёт. Не сегодня. Сегодня она слишком устала.

Она села на табурет и посмотрела на морозилку. Потом достала телефон и позвонила Вере.

— Ты где была? — спросила Вера.

— На заказе. Я же написала.

— Ты написала в три. А сейчас семь.

— Заказ был большой.

Пауза.

— Анна.

— Что?

— Ты была с ним?

Анна помолчала. Потом сказала:

— Да.

— И как?

— Нормально.

— Нормально — это не ответ.

— А какой ответ ты хочешь?

Вера вздохнула.

— Я хочу, чтобы ты была счастлива. Но я также хочу, чтобы ты не забывала, что ты делаешь, когда находишь кого-то, кого надо спасать.

— Я помню.

— Хорошо. — Вера помолчала. — Позвони мне завтра. Ладно?

— Ладно.

Она положила трубку и посмотрела на коробку. Потом встала, налила чай, села обратно. За окном капало. Она сидела и смотрела на дождь, и в голове у неё были письма, которые никто не прочитал, и женщина, которая писала мёртвому мужу, и мужчина, который сказал, что склеенная чашка протекает.

Три секунды тишины, капля.

Она допила чай и пошла спать. Завтра она начнёт разбирать письма.

Глава 5. Привычки

Илья

В понедельник он пришёл на остановку раньше обычного. На семь минут. Он не признался себе в этом, но вышел из дома на семь минут раньше, и когда увидел, что её ещё нет, почувствовал сбой — как будто пришёл не туда.

Она появилась через три минуты. Зелёное пальто, зонт на запястье, стакан кофе в руке. Увидев его, ускорила шаг.

— Вы рано, — сказала она.

— Автобус.

— Автобус в семь минут?

— Автобус ходит как хочет.

— Ага. — Она усмехнулась. — Конечно.

Они вошли в автобус, и это уже не было событием. Это было просто утро. Она рассказала про мастера, который обещал починить отопление в мастерской и не починил. Он рассказал про Кирилла, который в пятницу ушёл в отпуск и оставил ему три своих проекта. Она посочувствовала, но не так, как сочувствуют из вежливости, а по-деловому: «Значит, вам до пятницы надо сделать три чужих дела и одно своё. Вы составили список?» Он не составил. Она сказала, что надо составить. Он сказал, что составит. Она сказала: «Вы не составите». Он сказал: «Не составлю». Она засмеялась.

К среде это стало привычкой. Не сразу — привычки не появляются сразу, — но к среде он уже знал, что она выходит из дома в 7:38, что она всегда пьёт кофе из бумажного стакана и никогда не допивает до конца, что она поправляет очки, когда думает, и что она говорит «ага» вместо «да», когда соглашается. Он знал, что она любит пирог с капустой и не любит с вишней. Он знал, что у неё мёрзнут руки, и поэтому она носит перчатки даже в автобусе.

Он не знал, откуда она родом. Не знал, есть ли у неё отец. Не знал, почему она живёт одна и почему не жалуется на лифт. Не знал, что она делала до того, как стала реставратором, и почему выбрала бумагу, а не людей.

Она не спрашивала. Пока.

В среду они шли по улице, и впереди была лужа — огромная, во весь тротуар, с островком асфальта посередине.

— Обойдём, — сказала Анна.

— Зачем?

— Затем, что там глубоко.

— Я и так мокрый.

— Вы мокрый сверху. А если наступите, будете мокрый снизу.

Илья посмотрел на лужу. Потом на неё. Потом перешагнул через островок и оказался на другой стороне.

— Вы перепрыгнули, — сказала Анна.

— Перешагнул.

— Это было перепрыгивание.

— Это было перешагивание.

— У вас ботинки сухие?

Он посмотрел на ботинки. Они были сухие. Он сам удивился.

— Сухие, — сказал он.

— Вот видите. А если бы наступили — были бы мокрые.

— Я и так мокрый сверху.

— Сверху — это не считается. Сверху все мокрые. Снизу — это по собственной глупости.

Он засмеялся. Коротко, тихо, как будто не был уверен, что можно. Она посмотрела на него и ничего не сказала — только улыбнулась и пошла дальше.

На следующий день лужа была на том же месте, и она сказала:

— Ну что, человек-лужа, перешагиваем?

— Человек-лужа?

— Вы. Вы всегда мокрый. Я думала, как вас называть. «Илья» — это скучно.

— И вы выбрали «человек-лужа».

— А что, лучше?

— Хуже.

— Значит, оставляем.

Он не возражал. Ему было всё равно, как его называют, если это она. И это «всё равно» было новым. Обычно ему было не всё равно. Обычно он думал о каждом слове, которое говорил, и о каждом слове, которое говорили ему. А тут

он просто шёл и слушал, как она называет его человеком-лужей, и не думал.

В четверг он проспал. Не сильно — на двадцать минут, — но этого хватило, чтобы пропустить автобус и её. Он оделся в спешке, вышел, побежал к остановке — и увидел, что её уже нет. Он постоял, глядя на пустое место у столба. Потом достал телефон. У него не было её номера. Он даже не знал её фамилии.

Он поехал на работу и весь день думал об этом. Не о том, что опоздал. О том, что у него нет её номера. Что если она завтра не придёт, он не сможет узнать, почему. Что вся их «привычка» держится на том, что они оба выходят из дома в одно и то же время и идут на одну и ту же остановку. Это не привычка. Это совпадение, которое повторяется.

Вечером он пришёл на остановку и ждал. Дождь был сильный, и он стоял под дождём, потому что под навесом было много людей. Она пришла через десять минут.

— Вы меня ждали, — сказала она.

— Нет.

— Вы стояли здесь. В дождь. Без зонта.

— Я всегда стою в дождь без зонта.

— Да, но обычно вы стоите здесь в 7:45. А сейчас 18:20.

Он не нашёл, что ответить. Она посмотрела на него и не стала добивать.

— Я сегодня утром вас не застала, — сказала она. — Вы проспали?

— Проспал.

— Я так и подумала. Стояла до 7:50, потом поехала.

— Вы стояли до 7:50?

— Ну да. — Она пожала плечами. — Я же не знала, что вы проспали. Я думала, вы заболели.

Он посмотрел на неё. Она стояла в своём зелёном пальто, с зонтом на запястье и стаканом кофе, и говорила это так просто, как будто стоять до 7:50 на остановке в дождь — это обычное дело.

Он хотел попросить номер. Открыл рот — и не смог. Не потому, что было страшно. Потому что это было бы слишком много: сначала номер, потом «напишите, если что», потом что-нибудь ещё, и это «ещё» уже было бы про то, что он не хотел признавать. Он закрыл рот.

— Ладно, — сказал он. — Завтра не просплю.

— Посмотрим, — сказала она.

В пятницу он проснулся и понял, что не может встать.

Это было не как в понедельник — тогда тело просто подчинялось чуть легче, — а наоборот. Он лежал и смотрел в потолок, и потолок был тот же, и трещина та же, и капля та же, но всё это было как будто на расстоянии. Он знал, что надо встать. Он знал, что она ждёт. Он знал, что если он не встанет, она будет стоять до 7:50 и волноваться. И всё равно не мог.

Он встал в 7:52.

На работе он сел за стол и открыл таблицу. Цифры были те

же, что вчера. Он смотрел на них, и они не складывались. Он попробовал ещё раз. Потом закрыл таблицу и открыл заново, как будто это могло помочь. Не помогло. Он просидел так до обеда, глядя в экран, и в какой-то момент понял, что не помнит, что делал последние два часа.

Кирилл был в отпуске. Это было хуже, чем если бы он был. Некому было сказать «соберись». Некому было быть нормальным.

Вечером он пришёл на остановку. Она уже была там.

— Вы сегодня какой-то, — сказала она.

— Какой?

— Не знаю. — Она посмотрела на него внимательнее. — Вы как будто не здесь.

— Я здесь.

— Хорошо. — Она не стала настаивать. — Как день?

— Нормально.

Она кивнула. И он увидел, как она это заметила — слово «нормально». Она не сказала ничего. Просто кивнула и перевела разговор на мастера, который опять не починил отопление. Но он видел, что она это отметила. И он понял, что она будет это помнить.

Они шли по улице, и дождь был сильный, и лужа была на месте. Она посмотрела на лужу, потом на него, и ничего не сказала. Просто перешагнула через островок. Он перешагнул следом.

— Вы мало рассказываете о себе, — сказала она вдруг.

— Я много рассказываю.

— Вы рассказываете про Кирилла, про соседку, про лифт. Это не про вас. Это про то, что вокруг вас.

Он подумал об этом. Она была права. Он рассказывал про Кирилла, потому что про Кирилла было легко. Про соседку — потому что про соседку было безопасно. Про лифт — потому что лифт ничего не значил.

— А что вы хотите знать? — спросил он.

— Не знаю. Что-нибудь настоящее. — Она помолчала. — Почему вы живёте один?

Он не ответил сразу. Он думал о том, что можно сказать. «Так получилось» — правда, но пустая. «Я не умею жить с людьми» — правда, но слишком много для пятницы. «У меня был человек, и мы расстались» — тоже правда, но он не был уверен, что это была причина, а не следствие.

— Так получилось, — сказал он.

Она кивнула. И он увидел, что она не поверила. Но она не стала настаивать.

— Ладно, — сказала она. — В другой раз.

Дома он сел на диван и просидел так, наверное, час. Потом встал, открыл шкаф в прихожей и посмотрел на верхнюю полку. Коробка была там. Он знал, что она там. Он протянул руку, коснулся бечёвки — и убрал.

Не сегодня.

Он сел обратно и подумал о том, что у него нет её номера. Что если он проспит в понедельник, она опять будет стоять

до 7:50. Что она, наверное, будет волноваться. И что он ничего не сможет сделать.

За окном капало. Три секунды тишины, капля.

Он лёг спать и подумал: завтра суббота. Опять некуда идти.

⁂

Анна

Письма Нины Павловны она разбирала по вечерам, после работы. Это было медленно — страницы слиплись, чернила расплылись, — и она делала по пять-шесть писем за вечер, не больше.

В одном письме женщина писала про лужу. «Сегодня я шла из лавки и наступила в лужу. Прямо посреди улицы, при всех. Мне было так стыдно, что я даже не обернулась — просто пошла дальше, как будто, так и надо. А потом подумала: кому какое дело? Все идут по лужам. Просто никто не признаётся».

Анна перечитала это дважды. Потом отложила письмо и посмотрела в окно. За окном шёл дождь. Она подумала о мужчине, который перешагнул через лужу в среду и удивился, что ботинки сухие. И о том, что она назвала его человеком-лужей, и ему это, кажется, понравилось.

Она вернулась к письмам.

Во втором письме женщина писала про чашку. Ту самую, синюю. «Я её разбила сегодня. Разбила, когда мыла. Она выскользнула из рук, и я смотрела, как она падает, и ничего не

могла сделать. Я собрала осколки и положила их в коробку. Завтра попробую склеить».

Анна посмотрела на дату. Потом нашла следующее письмо с упоминанием чашки. Оно было написано через два года. «Синяя чашка так и лежит в коробке. Я всё собираюсь её склеить, но руки не доходят. Смешно: я пишу тебе об этом уже два года, а чашка всё там же».

Она положила письмо на стол. Женщина писала об одном и том же два года. Не потому, что было важно, — потому что не могла перестать. Как будто если написать ещё раз, то в следующий раз получится.

Анна знала это чувство. Она сама так делала — с Андреем, с Сашей, с собой. Она говорила себе: в следующий раз я не буду спасать. В следующий раз я буду осторожнее. И каждый раз было то же самое, и она знала, что то же самое, и всё равно говорила.

Она посмотрела на телефон. Там было сообщение от Веры: «Как прошла неделя?»

Она не ответила сразу. Потом написала: «Нормально».

Вера ответила через минуту: «Нормально — это не ответ».

Анна усмехнулась. Она сама говорила это Илье. Или почти это.

Она набрала Веру.

— Ну, — сказала Вера. — Рассказывай.

— Что рассказывать?

— Ты знаешь что.

Анна помолчала. Потом сказала:

— Мы ходим вместе на остановку. Каждый день.

— Каждый день?

— Почти. Он один раз проспал.

— И ты стояла и ждала?

— Немного.

— Анна. — Вера вздохнула. — Ты знаешь, что он делает в выходные?

Анна задумалась. Она не знала. Она никогда не спрашивала.

— Не знаю.

— А почему он живёт один?

Анна помолчала.

— Не знаю.

— А что он делает как инженер?

— Что-то с таблицами.

— А почему он не женат?

— Вера.

— Что Вера? Я не говорю, что он плохой. Я говорю, что ты знаешь про него всё, что можно узнать за неделю, и ничего, что можно узнать за месяц. Ты знаешь, что он мокнет и что у него болит голова. А почему он живёт один — не знаешь.

Анна хотела возразить, но не смогла. Вера была права.

— Он не любит рассказывать о себе, — сказала она.

— А ты спрашивала?

— Спрашивала. Он сказал: «Так получилось».

— И ты приняла?

— Я не хотела давить.

Вера вздохнула.

— Анна. Есть разница между «не давить» и «не замечать». Ты замечаешь, что он не рассказывает?

— Замечаю.

— Хорошо. Просто замечай. Не спасай. Просто замечай.

Они попрощались. Анна положила трубку и посмотрела на письма.

Потом она достала блокнот — тот, в котором записывала заказы, — и открыла чистую страницу. И написала:

«Что я знаю об Илье: инженер, 32, живёт на пятом этаже, лифт не работает, соседка Лидия Петровна печёт пироги, мать учительница, любит пирог с капустой, не любит с вишней, не любит людей под навесом, всегда мокрый, называет себя нормальным».

Она посмотрела на список. Потом дописала:

«Чего я не знаю: почему он живёт один. Почему у него нет друзей, кроме Максима, который звонит раз в месяц. Что у него в шкафу. Почему он говорит „нормально“ таким голосом, как будто это не слово, а дверь».

Она посмотрела на последнюю строчку. Потом закрыла блокнот.

За окном капало. Она сидела и слушала, и думала о том, что в среду он засмеялся — коротко, тихо, как будто не был

уверен, что можно, — и что в пятницу он сказал «нормально» таким голосом, от которого у неё что-то сжалось внутри. И что это были два разных человека. И что она не знала, какой из них настоящий.

А может, оба. Может, настоящий — это тот, кто смеётся в среду и говорит «нормально» в пятницу, и одно не отменяет другого. Может, так и бывает у людей. Она не знала.

Три секунды тишины, капля.

Она легла спать и перед сном проверила погоду на завтра. Дождь. Весь день дождь.

Она подумала: значит, лужа будет на месте. И человек-лужа тоже. И это было бы хорошо, если бы она не помнила, как он сказал «нормально» в пятницу.

Она лежала и смотрела в потолок. Потом взяла телефон и открыла сообщения. Написала: «Завтра в 11 у аптеки? Могу показать вам мастерскую».

Отправила. Потом положила телефон и подумала: зачем. Он не просил. Он, может, не хочет. Он, может, занят. Он, может, вообще не ответит.

Телефон завибрировал через минуту.

«Хорошо».

Она посмотрела на это «хорошо» и не поняла, что оно значит. Может, «хорошо, приду». Может, «хорошо, ладно». Может, «хорошо» — это то же самое, что «нормально», только короче.

Она положила телефон и закрыла глаза.

За окном капало.

Глава 6. Откровенность

Илья

В субботу он встал в девять. Это было поздно — для него, для человека, который просыпался в 6:41, — и от этого день сразу пошёл не так. Он сварил кофе, выпил стоя, посмотрел на пальто в шкафу. Достал, повесил на батарею. Потом сел на диван и просидел полчаса, глядя в стену.

В одиннадцать он был у аптеки.

Она уже ждала — в зелёном пальто, без зонта, с сумкой на плече. Дождь был мелкий, почти невидимый, и она стояла, не прячась, как будто ей было всё равно.

— Вы пришли, — сказала она.

— Я сказал «хорошо».

— Мало ли. Люди говорят «хорошо» и не приходят.

Он не нашёл, что ответить. Она улыбнулась и повела его за собой.

Мастерская была в старом доме на углу, с высокими потолками и лепниной, которую кто-то когда-то пытался закрасить, а потом бросил. Они поднялись по скрипучей лестнице — Анна впереди, Илья следом, — и она открыла дверь ключом, который висел у неё на шее на верёвке.

Внутри пахло клеем, пылью и старым деревом. На столах лежали книги, документы, папки. На одном столе стояла коробка — та самая, из архива, — и рядом с ней лежали пись-

ма, уже разложенные по датам.

— Вот, — сказала Анна. — Моё рабочее место. Не очень красиво, но здесь тепло.

Она была права. В мастерской было тепло — не жарко, а именно тепло, как в комнате, где кто-то недавно был. Отопление работало.

— Мастер починил, — сказала Анна, перехватив его взгляд. — Вчера. Я ему три недели звонила.

— Упорство.

— Нет. Просто я не умею отступать. Это не то же самое.

Она показала ему инструменты — скальпель, кисти, пресс, — и рассказала, как реставрируют бумагу. Он слушал. Ему было интересно — не из вежливости, а по-настоящему.

— Вот эта, — сказала она, показывая на книгу под прессом, — та самая. Которая упала в лужу. Видите? Почти не видно.

Он посмотрел. Страницы были неровные, чуть покоробленные, но текст читался. Книга была жива.

— Хорошая работа, — сказал он.

— Спасибо. — Она улыбнулась. — Хотя я всё равно вижу каждую трещину.

— Это потому, что вы её реставрировали. Другие не видят.

— Может быть. — Она помолчала. — А вы? Вы видите трещины в своих таблицах?

— Я вижу только ошибки. Трещины — это не про меня.

Она засмеялась. Потом села на табурет и показала ему на второй.

— Садитесь. Расскажите что-нибудь. Вы обещали.

— Я не обещал.

— Вы сказали «хорошо». Это считается.

Он сел. Табурет был жёсткий, и он почувствовал, как неудобно сидеть прямо, когда не знаешь, куда деть руки. Он положил их на колени. Потом убрал. Потом снова положил.

— Про мастерскую я вам уже рассказывала, — сказала Анна. — Про заказчиков тоже. Про зонт тоже. Теперь ваша очередь.

— А если мне нечего рассказывать?

— Тогда расскажите, почему нечего.

Он задумался. Это был хороший вопрос — слишком хороший для субботы. Он посмотрел на письма, разложенные на столе. Потом на окно. За окном шёл дождь — ровный, спокойный, без ветра.

— У меня был отец, — сказал он.

Он сам не ожидал, что начнёт с этого. Но слово вышло — и он не стал его забирать.

Анна не перебила. Она просто ждала.

— Он умер, когда мне было двенадцать, — сказал Илья. — Не от болезни. Он сам. — Он помолчал. — В семье об этом не говорят. Мать говорит «он ушёл». Как будто он ушёл в магазин и не вернулся.

Анна смотрела на него. В её глазах не было жалости — он

бы заметил жалость. Было что-то другое. Внимание.

— Мне жаль, — сказала она.

— Не надо. Это было давно.

— Всё равно жаль.

Он кивнул. Он не знал, что на это сказать.

— А почему не говорят? — спросила она.

— Не знаю. Мать так решила. Она вообще многое решает. — Он усмехнулся. — У неё была тяжёлая жизнь. Она учительница, она привыкла всё контролировать. Когда что-то выходит из-под контроля, она делает вид, что этого нет.

— И вы тоже?

— Что я тоже?

— Делаете вид, что этого нет?

Он посмотрел на неё. Она не нападала. Она просто спрашивала — так же, как спрашивала про чашку, про лужу, про навес.

— Наверное, — сказал он. — Я не думал об этом.

— А о чём вы думали?

— О разном. — Он пожал плечами. — У меня бывают тёмные зимы. Так я это называю. Когда всё серое и не хочется вставать. Это бывает не всегда. Но бывает.

Он сказал это и почувствовал, как что-то сжалось внутри. Он не говорил этого никому. Даже Максиму. Даже матери. Он говорил это себе — и то не всегда, потому что слова делали это реальным.

Анна кивнула. Она не сказала «ой». Не сказала «я пони-

маю». Она сказала:

— У меня тоже бывают тёмные зимы. Только у меня они осенью. Осенью всё кажется хуже, чем есть. Я думаю, это из-за света.

— Может быть.

— А вы что делаете, когда у вас тёмная зима?

Он задумался. Он никогда не думал об этом как о том, что можно делать. Тёмная зима была как погода — она приходила, и её надо было переждать.

— Ничего, — сказал он. — Жду.

— И проходит?

— Иногда. Иногда нет.

Она помолчала. Потом сказала:

— У меня была подруга, которая говорила: «Если не можешь изменить погоду, измени то, как ты её переживаешь». Я не очень понимала, что это значит. Но потом поняла: иногда надо просто делать что-то маленькое. Не ждать, пока пройдёт, а делать что-то, что можно сделать сейчас. Даже если это просто вымыть чашку.

— Вымыть чашку, — повторил он.

— Да. Или выйти на улицу. Или позвонить кому-нибудь. — Она посмотрела на него. — Вы кому-нибудь звоните, когда у вас тёмная зима?

Он подумал о Максиме, который звонил раз в месяц. О матери, которой он не звонил. О Лидии Петровне, которая стучала в дверь с кастрюлей.

— Нет, — сказал он.

— Почему?

— Не хочу быть обузой.

Она кивнула. И он увидел, что она поняла — не так, как понимают из вежливости, а по-настоящему.

— Я тоже так думала, — сказала она. — А потом поняла, что люди, которым я не звоню, чувствуют себя не обузой, а брошенными. Это хуже.

Он не нашёл, что ответить. Он смотрел на письма на столе — на разложенные листы, на слипшиеся страницы, на ровные ряды дат.

— Ладно, — сказала Анна, вставая. — Хватит про тёмные зимы. Пойдёмте, я покажу вам двор. Там есть кот.

— Кот?

— Кот. Он живёт под лестницей. Я его подкармливаю. Он не даётся в руки, но приходит, когда я стучу по миске.

Они вышли во двор. Двор был маленький, с чахлым деревом и мусорными баками. Под лестницей, в тени, сидел кот — серый, с ободранным ухом. Он посмотрел на них и не убежал.

— Вот, — сказала Анна. — Знакомьтесь. Это Кот. У него нет имени. Я пробовала давать имена, но он не откликается.

— Может, он не любит имена.

— Может. — Она присела на корточки и постучала по миске. Кот подошёл — медленно, осторожно, — и начал есть.

Илья смотрел на кота. Потом присел рядом — не так близко, как Анна, на шаг дальше. Кот поднял голову, посмотрел на него и не убежал. Просто посмотрел — и вернулся к еде.

— Он вас не боится, — сказала Анна.

— Он меня не знает.

— Он всех боится. А вас — нет. — Она посмотрела на него. — Странно, да?

Илья пожал плечами. Но внутри что-то дрогнуло. Он не знал, что это значит — «он вас не боится». Может, ничего. Может, кот просто был голоден.

Они вернулись в мастерскую. Анна села за стол и взяла письмо — то самое, из коробки. Она развернула его и стала читать.

— Это странное письмо, — сказала она через минуту. — Послушайте. «Я знаю, что ты не прочитаешь. Но я всё равно пишу. Я пишу тебе каждую неделю, хотя знаю, что ты не прочитаешь. Это как разговаривать со стеной. Но стена хотя бы отвечает эхом».

Она посмотрела на Илью.

— Это письмо к мёртвому мужу. Она знает, что он не прочитает. И всё равно пишет. Каждую неделю.

Илья молчал. Он думал о коробке на верхней полке. О письмах, которые он не открывал. О том, что там, наверное, тоже есть что-то, что кто-то не отправил.

— Зачем? — спросил он.

— Не знаю. — Анна пожала плечами. — Может, чтобы

не сойти с ума. Может, чтобы помнить. Может, чтобы не забыть, что она была.

— Она была?

— Она была. — Анна посмотрела на письмо. — Все мы были. Вопрос в том, что остаётся.

Она положила письмо на стол и посмотрела на Илью.

— Вы когда-нибудь писали письма, которые не отправляли?

Он подумал о коробке. О бечёвке. О пыли.

— Нет, — сказал он. — Но у меня есть письма, которые я не открывал.

— Чьи?

— Не знаю. — Он помолчал. — Отца. Наверное.

Анна не спросила, почему он их не открывает. Она просто кивнула.

— Если захотите — расскажете, — сказала она. — Не сейчас.

Он кивнул. И они просидели ещё час — она за столом, с письмами, он на табурете, глядя в окно. Дождь не прекращался.

В час она сказала, что ей пора — заказчик ждёт. Он встал.

— Спасибо, — сказал он. — За мастерскую. И за кота.

— Кот вам понравился?

— Кот не любит имена. Я его понимаю.

Она засмеялась. Потом посмотрела на него внимательнее.

— Илья.

— Да?

— Вы сказали про отца. И про тёмные зимы. Я не буду делать вид, что не заметила.

Он молчал.

— Я просто хочу, чтобы вы знали: я заметила. И это нормально. — Она помолчала. — В смысле, не нормально, что у вас тёмные зимы. Но нормально, что вы об этом сказали.

— Я не знаю, зачем сказал.

— Я тоже не знаю. Но хорошо, что сказали.

Он кивнул. Потом вышел. На улице дождь был сильнее, и он пошёл домой, и всю дорогу думал о том, что сказал слишком много. И о том, что она не испугалась. И о том, что это, наверное, хорошо.

Дома он сел на диван и просидел так, наверное, час. Потом встал и подошёл к шкафу в прихожей. Открыл дверцу. Коробка была на верхней полке, за старыми куртками, перевязанная бечёвкой. Он знал, что она там. Он знал это много лет.

Он протянул руку. Пальцы коснулись бечёвки — шершавой, пыльной. Он постоял так, держась за неё, и не убирал руку. Секунду. Две. Три.

Потом снял коробку с полки и поставил на пол. Она была тяжёлая — тяжелее, чем он помнил. Он сел рядом, на пол, спиной к стене, и посмотрел на неё. Крышка была закрыта. Бечёвка завязана.

Он сидел так, наверное, минуту. Потом развязал бечёв-

ку. Она поддалась не сразу — узел затянулся от времени. Он развязал его и отложил верёвку в сторону. Потом открыл крышку.

Внутри были письма. Много. И фотографии. И ещё что-то — свёрнутое, в бумаге. Он не стал разворачивать. Он взял верхнее письмо. Конверт был надписан, но не отправлен — марки не было, штемпеля не было.

Он держал его в руках и смотрел на почерк. Почерк был отцовский.

⁂

Анна

Письмо про стену она перечитала трижды. «Это как разговаривать со стеной. Но стена хотя бы отвечает эхом».

Она отложила его и посмотрела на коробку. Писем было много — десятки, может, сотни. Она разбирала их по датам и складывала в стопки. Некоторые были написаны до войны, некоторые после. Некоторые были отправлены, некоторые нет. И во всех была одна и та же женщина — усталая, упрямая, одинокая.

В следующем письме женщина писала про окно. «Сегодня я мыла окно и увидела, что за ним стоит мужчина. Он стоял и смотрел на наш дом. Я не знала, кто он, и испугалась. А потом поняла, что это ты. Я знаю, что это не ты. Но я всё равно стояла и смотрела, пока он не ушёл».

Анна перечитала. Потом отложила письмо и посмотрела в окно мастерской. За окном шёл дождь. Напротив стоял дом

— такой же старый, с такими же высокими окнами. В одном из окон горел свет.

Она смотрела на этот свет и думала о том, что где-то там, за окном, живут люди, которые тоже пишут письма, которые никто не прочитает. Или не пишут. Или пишут, но не отправляют.

Она взяла телефон и написала Илье: «Вы дома?»

Он ответил через минуту: «Да».

Она посмотрела на это «да». Потом напечатала: «Я сегодня нашла письмо, в котором женщина пишет мёртвому мужу каждую неделю. Она знает, что он не прочитает. И всё равно пишет». Отправила. Потом подумала: зачем. Он не просил. Он, может, не хочет.

Он ответил через две минуты: «А зачем она пишет?»

Она посмотрела на вопрос. Потом напечатала: «Не знаю. Может, чтобы не сойти с ума. Может, чтобы помнить».

Он не ответил. Она положила телефон и вернулась к работе. Но через полчаса он написал: «У меня в шкафу тоже есть письма. Я их не открывал. Сегодня открыл».

Она посмотрела на это сообщение. Потом перечитала. Потом напечатала: «И что там?»

Он ответил: «Почерк отца. Я не читал. Просто смотрел».

Она держала телефон в руках и не знала, что сказать. Она хотела написать «я рада» — но это было бы неправильно. Она хотела написать «вам тяжело» — но это было бы слишком просто. Она хотела написать «я рядом» — но это было

бы слишком много.

Она написала: «Вы молодец. Серьёзно».

Он ответил: «Не знаю. Может, зря открыл».

Она посмотрела на это. Потом написала: «Не зря. Даже если больно. Особенно если больно».

Он не ответил. Она положила телефон и посмотрела на письма. Потом на окно. Дождь не прекращался.

Вечером она позвонила Вере.

— Ты в порядке? — спросила Вера.

— В порядке. А ты?

— Устала. Много работы.

— Ты никогда не говоришь «устала».

— Сегодня говорю.

Анна помолчала. Потом сказала:

— Я была в мастерской с Ильёй.

— С Ильёй?

— С мужчиной из аптеки. Он приходил. Я показывала ему мастерскую.

Пауза.

— И как?

— Нормально. Он рассказывал про отца. Про то, что у него бывают тёмные зимы.

— Тёмные зимы?

— Так он это называет. Когда всё серое и не хочется вставать.

Вера помолчала. Потом сказала:

— Анна.

— Что?

— Я не буду говорить «будь осторожна». Ты это уже слышала.

— Слышала.

— Я скажу другое. — Вера помолчала. — Когда я была замужем за Павлом, я тоже думала, что могу помочь. Он пил, и я думала: если я буду достаточно терпеливой, если я буду достаточно хорошей, он бросит. Я не была достаточно хорошей. Или была, но это не помогло.

Анна молчала. Она знала эту историю — но Вера никогда не рассказывала её так. Так — это когда голос тихий и слова медленные, как будто каждое даётся с трудом.

— Я не говорю, что твой Илья — Павел, — сказала Вера. — Я не знаю твоего Илью. Я говорю, что я была там. И я знаю, как это — думать, что ты можешь вытащить человека. Ты не можешь. Ты можешь только быть рядом. А быть рядом — это не то же самое, что вытащить.

— Я знаю, — сказала Анна.

— Ты знаешь головой. Но не руками. — Вера вздохнула. — Ладно. Я не буду читать морали. Просто позвони мне, если что.

— Позвоню.

Она положила трубку и посмотрела на письма. Потом на телефон. Потом снова на письма.

Она открыла блокнот — не для того, чтобы записать, а

просто чтобы посмотреть на список. «Что я знаю об Илье: инженер, 32, живёт на пятом этаже, лифт не работает, соседка Лидия Петровна печёт пироги, мать учительница, любит пирог с капустой, не любит с вишней, не любит людей под навесом, всегда мокрый, называет себя нормальным».

«Чего я не знаю: почему он живёт один. Что у него в шкафу. Почему он говорит „нормально“ таким голосом, как будто это не слово, а дверь».

Она посмотрела на этот список. Потом взяла ручку и зачеркнула последнюю строчку. Не потому, что узнала. Потому что теперь она знала, что в шкафу. И это было хуже, чем не знать.

Она закрыла блокнот. За окном капало. Три секунды тишины, капля.

Она легла спать и перед сном проверила телефон. Сообщений не было. Она положила телефон на тумбочку и закрыла глаза.

И подумала: интересно, он прочитал письмо или нет. И что в нём было. И почему его отец написал письмо, которое не отправил.

Она не знала ответов. Но она знала, что спросит. Рано или поздно — спросит.

Глава 7. Быт

Илья

Письмо он прочитал в субботу утром. Сел на пол рядом

с коробкой, вскрыл конверт и прочитал пять строк. Потом перечитал. Потом положил письмо на пол, рядом с собой, и посмотрел на него.

«Это не твоя вина. Ни в чём».

Он не помнил, чтобы думал, что это его вина. Но, видимо, думал — где-то глубоко, где слова не достают. Он сидел на полу и смотрел на лист, и лист лежал на полу и смотрел на него, и так прошло, наверное, полчаса. Потом он встал, взял письмо, положил его на кухонный стол — не в коробку, а на стол, сверху, — и пошёл ставить чайник.

Письмо пролежало на столе весь день. Он проходил мимо него, когда шёл на кухню, и каждый раз смотрел. К вечеру он взял его и положил обратно в коробку. Не потому, что решил больше не читать. Просто не мог больше смотреть.

В понедельник она дала ему ключи.

Они дошли до перекрёстка, и она полезла в сумку за телефоном, и ключи выпали — связка на брелоке, с маленькой металлической совой. Он поднял их и протянул ей.

— Спасибо. — Она взяла их, потом посмотрела на них. — У меня есть второй комплект. На всякий случай. Я хотела вам дать.

Он посмотрел на неё.

— Вы хотите дать мне ключи?

— Ну да. — Она пожала плечами. — Это же не значит, что вы будете приходить без спроса. Это значит, что если я потеряю свои, я смогу попросить ваши.

— Логично.

— Вот и я говорю. — Она протянула ему ключи. — Держите.

Он взял. Связка была холодная и тяжёлая. Маленькая металлическая сова смотрела на него круглыми глазами.

— Спасибо, — сказал он.

— Не за что. Только не теряйте.

Он положил ключи в карман куртки. И весь вечер, когда приходил домой и вешал куртку на крючок, он чувствовал, как в кармане что-то есть. Что-то, что не принадлежит ему.

В субботу они пошли в магазин. Он купил кофе, хлеб, сыр — как всегда. Она взяла с полки банку острого соуса и положила ему в корзину.

— Попробуйте, — сказала она. — Я его люблю.

— Хорошо, — сказал он.

Дома он поставил банку на полку и не открыл.

В воскресенье он позвонил матери.

Это было не запланировано. Он сидел на диване, смотрел в стену и думал о письме. О пяти строчках. О том, что отец написал «это не твоя вина», и о том, что он, Илья, никогда не думал, что это его вина. Но теперь думал.

Он взял телефон и набрал номер. Мать ответила после третьего гудка.

— Илья? — сказала она. — Что-то случилось?

— Ничего не случилось.

— Тогда почему звонишь?

Он помолчал. Потом сказал:

— Я нашёл письма отца.

Пауза. Долгая. Он слышал, как она дышит в трубку — коротко, как будто воздуха не хватало.

— Какие письма? — спросила она наконец.

— В коробке. На верхней полке. Там много. Я прочитал одно.

— Зачем?

— Не знаю. — Он помолчал. — Оно было не отправлено. Он писал мне.

Пауза. Потом мать сказала:

— Илья. Не надо это ворошить.

— Почему?

— Потому что это прошлое. Оно прошло. Мы живём дальше.

— Он написал, что это не моя вина.

Пауза. Он услышал, как она вздохнула — тихо, как будто надеялась, что он не услышит.

— Это не твоя вина, — сказала она. — Конечно, не твоя. Никто никогда не говорил, что твоя.

— Ты никогда не говорила, что не моя.

— Илья.

— Что?

— Не надо. — Её голос был твёрдый, но он слышал, что под ним что-то есть. Что-то, что она держала много лет. — Мы не будем это обсуждать. Не по телефону.

— А когда?

— Никогда. — Она помолчала. — Это прошлое. У нас есть настоящее. Давай о настоящем.

Он не стал спорить. Они поговорили ещё минуты три — о работе, о погоде, о том, что у неё протекает кран, — и попрощались. Он положил трубку и посидел ещё немного.

«Никогда». Не «потом». Не «когда-нибудь». «Никогда».

Он встал и пошёл на кухню. Поставил чайник. Потом открыл шкафчик, достал банку острого соуса, которую она положила ему в корзину. Открыл крышку. Понюхал. Пахло перцем и чем-то ещё, незнакомым.

Он намазал соус на хлеб и съел. Было остро. Глаза защипало. Он съел ещё один кусок.

Потом сел на диван и просидел так, наверное, час. За окном капало. Три секунды тишины, капля.

В понедельник он рассказал Анне про звонок.

Они сидели в том же кафе, у окна, и она спросила, как прошли выходные. И он рассказал. Про письмо. Про звонок. Про «никогда».

— Она сказала «никогда», — сказал он. — Не «потом». Не «когда-нибудь». «Никогда».

— Мне жаль.

— Не надо. — Он помолчал. — Я знал, что она так скажет.

— Тогда зачем позвонили?

Он задумался. Она смотрела на него и ждала.

— Не знаю, — сказал он наконец. — Может, чтобы услы-

шать это вслух. Чтобы не думать, что я сам это придумал.

Анна кивнула. Она не сказала «прочитайте остальные» или «не читайте». Она просто сидела и смотрела на него.

— Я не знаю, что делать с остальными письмами, — сказал он.

— А вы хотите знать?

— Не знаю. — Он помолчал. — Мне кажется, что если я прочитаю, то узнаю что-то, что не хочу знать.

— А если не прочитаете?

— Тогда я буду знать, что они там. И что я их не прочитал.

Анна отпила кофе. Потом сказала:

— Я не могу решить за вас. Но я могу сказать, что я бы сделала.

— Что?

— Я бы прочитала. Не всё сразу. По одному. И делала бы перерывы. — Она помолчала. — Потому что не знать — это тоже тяжело. Может, тяжелее.

Он не ответил. Но запомнил.

⁂

Анна

В среду она столкнулась с Верой на улице. Это было случайно — она шла с Ильёй от остановки, и Вера шла навстречу, в сером пальто, с телефоном в руке.

— Вера, — сказала Анна. — Привет.

Вера остановилась. Посмотрела на Анну. Потом на Илью. Потом снова на Анну.

— Привет. Это кто?

— Это Илья. Тот самый.

— Ага. — Вера посмотрела на него внимательнее. — Здравствуйте, Илья.

— Здравствуйте.

Они постояли секунду. Анна видела, как Вера его оценивает — быстро, по привычке. Она всегда так делала. С Андреем, с Сашей, со всеми.

— Анна говорила, что вы инженер, — сказала Вера.

— Да.

— И что вы живёте на пятом этаже.

— Да.

— И что лифт не работает.

— Не работает.

— Ага. — Вера помолчала. — А ещё она говорила, что вы мало рассказываете о себе.

Анна вздохнула.

— Вера.

— Что Вера? Я просто поддерживаю разговор.

Илья не смутился. Он посмотрел на Веру и сказал:

— Я не очень умею рассказывать о себе. Но я работаю над этим.

Анна удивилась. Она не ожидала, что он так скажет. Она ожидала, что он замолчит или скажет что-то вежливое. А он сказал правду — просто, без оправданий.

Вера посмотрела на него. Потом на Анну. Потом снова на

него.

— Хорошо, — сказала она. — Ладно. — Она достала телефон. — Анна, позвони мне вечером. Я хочу с тобой поговорить.

— Хорошо.

Вера ушла. Анна посмотрела на Илью.

— Извините. Она не всегда такая.

— Она такая, потому что волнуется. Это нормально.

Анна посмотрела на него. И подумала: он не обиделся. Он понял. И это было... неожиданно.

Вечером она позвонила Вере.

— Ну, — сказала Вера. — Он мне понравился.

— Правда?

— Не то чтобы понравился. Но он не притворяется. Это уже что-то. — Она помолчала. — Только он какой-то закрытый. Как будто что-то держит.

— У него есть причины.

— Я не сомневаюсь. — Вера вздохнула. — Знаешь, я тебе кое-что не рассказывала.

— Что?

— Про Мишу. До Павла. Я тебе про него не рассказывала.

Анна помолчала. Она смутно помнила Мишу — какого-то мужчину, с которым Вера встречалась давно, до замужества. Она никогда не спрашивала, почему они расстались.

— Что про Мишу?

— Я дала ему ключи. Через месяц после знакомства. Он

потерял свои, и я дала ему свои. А потом он не вернул. — Вера помолчала. — Не в смысле «забыл». В смысле «не захотел». Он приходил, когда хотел. Я приходила домой, а он сидел на кухне. Я не могла его выгнать, потому что это были мои ключи. Я сама их дала.

Анна молчала.

— Я не говорю, что твой Илья — Миша, — сказала Вера. — Я не знаю твоего Илью. Я говорю, что я была там. И я знаю, как это — думать, что ты просто даёшь ключи, а потом понять, что ты дала больше.

— Я не думаю, что дала больше.

— Хорошо. — Вера помолчала. — Тогда всё в порядке.

Они попрощались. Анна положила трубку и посмотрела на свои ключи на столе. Второй комплект был у Ильи. Она знала, что он там.

Она взяла телефон и посмотрела на его номер. Потом набрала.

Он ответил после второго гудка.

— Анна?

— Привет. — Она помолчала. — Я не знаю, зачем звоню.

— Хорошо.

— Что «хорошо»?

— Хорошо, что не знаете. — Он помолчал. — Я тоже не знаю, зачем отвечаю.

Они помолчали. Это было не неловко — это было как пауза, которую можно заполнить или не заполнять.

— Как соус? — спросила она.

— Острый.

— Вы его открыли?

— Открыл.

— И как?

— Съел два куска хлеба. Глаза защипало.

Она засмеялась.

— Это хорошо, — сказала она. — Значит, работает.

— Что работает?

— Соус. — Она помолчала. — И вы.

Он не ответил. Но она слышала, как он дышит в трубку — ровно, спокойно.

— Ладно, — сказала она. — Я просто хотела услышать, как вы.

— Как я?

— Как вы.

Пауза.

— Нормально, — сказал он.

— Нормально — это не ответ.

— А какой ответ?

— Не знаю. — Она помолчала. — Но я рада, что вы открыли соус.

Она положила трубку и посмотрела на телефон. Потом на ключи на столе. Потом на письма, которые лежали на кухонном столе — она принесла их из мастерской, чтобы разобрать дома.

Она села за стол и взяла верхнее письмо. Развернула. Это было письмо той же женщины — той, что писала мёртвому мужу. Но оно было другим. В нём не было ни про чашку, ни про лужу, ни про соседскую собаку. В нём было:

«Я больше не знаю, зачем пишу. Раньше я писала, потому что хотела тебе что-то сказать. Теперь я пишу, потому что не знаю, что делать, когда не пишу. Это как дышать. Я не могу перестать. Но и не могу продолжать. Я как будто застряла между двумя днями, и ни один из них не наступает».

Анна перечитала. Потом отложила письмо и посмотрела в окно. За окном шёл дождь.

Она думала о том, что эта женщина писала мёртвому мужу не потому, что любила, а потому, что не могла перестать. Это было не про любовь. Это было про привычку. Про страх. Про то, что если перестать писать, то придётся признать, что его нет.

Она подумала об Илье. О том, как он сказал «нормально». О том, как он открыл соус. О том, как он сказал «я не очень умею рассказывать о себе, но я работаю над этим».

Она взяла телефон и написала ему: «Я нашла письмо, которое меня напугало. Не про чашку. Про то, что женщина не может перестать писать. Я не знаю, что с этим делать».

Он ответил через минуту: «Может, ничего. Может, просто прочитать и отложить».

Она посмотрела на это. Потом написала: «Вы так делаете с письмами отца?»

Он ответил: «Да. Прочитал одно. Отложил. Прочитаю ещё, когда смогу».

Она написала: «Хорошо. Тогда я тоже так сделаю».

Он ответил: «Хорошо».

Она положила телефон и вернулась к письмам. Но мысль о женщине, которая не может перестать писать, осталась — как заноза, которую не вытащить.

За окном капало. Три секунды тишины, капля.

Она легла спать и перед сном проверила телефон. Сообщений не было. Она положила телефон на тумбочку и закрыла глаза.

И подумала: интересно, он прочитает второе письмо завтра или нет. И что там будет. И почему его отец написал «это не твоя вина», если никто никогда не говорил, что его.

Она не знала ответов. Но она знала, что не будет спрашивать. Не потому, что не хотела. Потому что теперь она понимала: некоторые вещи нельзя вытащить. Можно только быть рядом, пока человек сам их не вытащит.

Глава 8. Первый звоночек

Анна

В понедельник он не пришёл.

Она стояла на остановке в 7:38, как обычно. В 7:40 его не было. В 7:45 — тоже. Она достала телефон и написала: «Вы сегодня не придёте?» Отправила. Одна галочка. Доставлено.

В 7:50 пришёл автобус. Она не села. В 7:55 — следующий. Она всё ещё стояла. В 8:00 написал мастер, что в мастерской протекла крыша и он не знает, когда починит. Она ответила: «Хорошо, я приеду позже». Положила телефон в карман. Посмотрела на пустое место у столба.

В 8:10 она села в автобус.

В мастерской она весь день вытирала пол. Вода капала с потолка в трёх местах, и она подставила вёдра. Капли стучали по дну — ровно, издевательски. Три секунды тишины, капля.

Она проверяла телефон каждые полчаса. Ответа не было. К обеду она написала ещё раз: «Вы в порядке?» Доставлено. Прочитано — нет. Она смотрела на экран и думала: может, он оставил телефон дома. Может, он заболел. Может, он проспал — как в пятницу, — и теперь ему стыдно, и он не пишет.

Может, что-то случилось.

Она гнала эту мысль. Но мысль возвращалась.

В три часа она позвонила. Гудки шли, но никто не брал. Один, два, три, четыре, пять. Потом механический голос: «Абонент не отвечает». Она положила трубку.

Она вспомнила Андрея.

Это было три года назад. Андрей тогда только потерял работу, и она помогала ему — составляла резюме, рассылала по вакансиям, звонила знакомым. Он был благодарен. Он говорил: «Ты меня спасаешь». Она говорила: «Я не спасаю, я просто помогаю». Он говорил: «Нет, спасаешь».

А потом он пропал. На день. Не отвечал на звонки, не открывал дверь. Она приехала вечером — он сидел на кухне, пил чай и смотрел в стену. «Я просто устал», — сказал он. Она сказала: «Ты мог предупредить». Он сказал: «Я не думал, что ты будешь волноваться». Она сказала: «Я всегда волнуюсь». Он сказал: «Это твоя проблема».

Она тогда не обиделась. Она подумала: он устал, ему тяжело, он не хотел меня обидеть. Она осталась. Приготовила ужин. Вымыла посуду. Ушла в полночь и всю дорогу думала, что могла бы остаться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.